
ВЕЛИКИЕ РУССКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ
И. И. ПОЛОСИН
БАГРАТИОН,
ГЕРОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1812 года
ИЗДАТЕЛЬСТВО УзФАН
ТАШКЕНТ

Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков —Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!

И. СТАЛИН

П. И. Багратион

АКАДЕМИЯ НАУК СССР — УЗБЕКИСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ и ИСТОРИИ

Проф. И. И. ПОЛОСИН

БАГРАТИОН,
ГЕРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1812 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО УзФАН — ТАШКЕНТ — 1942

Ответственный редактор акад. *Ю. В. Готье*

Р. 8362. Подписано к печати 13/VII 1942 г. Тираж 12000 экз. Уч.-авт. листов 3,7. Печ. листов 2,25. В одном печ. листе тип. знаков 65664.
Цена 1 руб. 85 коп.

г. Ташкент. Тип. Изд-ва УзФАН. Зак. № 291.

ВВЕДЕНИЕ

Род и семья Багратионов имели свои боевые и культурные традиции. Их отдаленный предок кларджетский князь Ашот Багратуни еще около 1100 лет тому назад крепил свое маленькое княжество в низовьях р. Чороха и собирал силы для борьбы с тяжким арабским игом. Семья Багратионов была в родстве с семьей Вахтанга VI, современника Петра Великого, грузинского царя, талантливого политика и образованного человека. Царь Вахтанг организовал работы по записи грузинских обычаев и законов. Он же организовал в Тбилиси первую грузинскую типографию (1709 г.), много занимался астрономией и переводил иранские астрономические тексты на грузинский язык. Его сын, царевич Вахушт, известен как автор истории и географии Грузии, грузино-русского словаря и как один из составителей первой грузинской грамматики (1737 г.), опередившей появление в свет первой научной грамматики русского языка Ломоносова. Семья Вахтанга VI переехала в Россию в 1724 г., незадолго до смерти Петра I, и внук Вахтанга VI, сын царевича Вахушта, князь Иван Вахуштович Багратион служил при Екатерине II командиром Сибирской дивизии.

Его родственник, племянник Вахтанга VI и сын карталийского царя Иессея, князь Александр Иессеевич Багратион тоже выехал в Россию. Это было в 1757 г., т. е. на второй год Семилетней войны, когда русская армия била „непобедимого“ Фридриха II и особенно нуждалась в пополнении кадров командиров. Князь Александр Багратион

был оставлен на Кавказском фронте подполковником Кавказской дивизии. Там же на Кавказе служил и сын его Иван Александрович Багратион, к 1765 г. уже вышедший в отставку с чином полковника. На Тереке под городом Кизляром он жил в своем небольшом имении тихой скромной жизнью.

В 1765 г. у него родился сын Петр, будущий герой Отечественной войны (1765—1812 гг.). Простая, но славная своими боевыми и культурными традициями семья Багратионов сумела сообщить своему новому члену в рассказах, легендах и песнях волнующие предания глубокой грузинской старины. Мальчик рос в бодрящей атмосфере славных и блестящих боевых воспоминаний героической истории родной Грузии. Мальчик зачитывался первопечатной грузинской книгой „Витязь в тигровой шкуре", отпечатанной в 1712 г. в первой тбилисской типографии его прадеда, царя Вахтанга VI.

Среднего роста, худощавый, но плотный и крепкий, с большими, быстрыми, живыми глазами, то медлительно-сосредоточенный и как бы задумчивый, то подвижный, деятельный, резкий в движениях, всегда прямодушный, открытый, смелый, иногда задорный князь Петр с ранних лет со всей страстностью юной души увлекался героями Руставели. С ними он жил одною жизнью. Он любил и Придона—простого бесхитростного, готового на все ради правды, и Автандила—осмотрительного дипломата и меткого бойца. Он понимал и слезы Тариэля, „витязя в тигровой шкуре"; его любовь к родной стране; его мучительные блуждания по горам, лесам и пустыням; его схватки то с конницей арабского царя Ростевана, то со злыми каджетами, терзавшими любимую Нестан-Дареджан.

С юных лет Багратион воспитывал в себе крепкую надежную мораль „витязя в тигровой шкуре"—мораль подлинного рыцаря-человека, не знающего ни страха, ни упрека.

На всю жизнь запомнились юному князю золотые мы-

сли Руставели, великого гуманиста и бойца за счастье Родины.

Упорная настойчивая борьба за Родную страну—вот что отличало героев поэмы „Витязь в тигровой шкуре“.

Укрепи границу, чтобы враг не ведал к нам дорог.

Герои Руставели всегда были готовы к ответному удару по врагу:

Побеждал я порубежных, если те искали зла.
У искавших крови нашей кровь я выточил из тел.

Герои жестоко били врага. Но ни в чем неповинных бойцов—рабов, крестьян, ремесленников—не брали в плен: всегда отпускали их с миром.

Не закалывай несчастных, словно мулов и коров.
Повелел я: „Да вернется каждый житель в мирный дом“.

И на войне, и в мирное время друзья-герои всегда в тесной крепкой дружбе. И радость, и горе—все они делили друг с другом. Особенно чутко относились они к чужому горю:

Ведь в нужде бывает нужен человеку друг и брат.

Никакие трудности и беды не сражали героев:

Надо в горестях окрепнуть, словно каменный утес.
Сердце, стань скалою твердой, будь бесстрашным в буре бед.

Твердость, мужество никогда не покидали героев:

Даже в бедствиях отвагу муж обязан сохранять.

Пустая похвальба, бессмысленный задор, ненужная боязливость, мелкие обиды были чужды героям:

Страшен глупому наставник, с умным сдружится вполне.

Неряшливость, невнимание, рассеянность — опасные качества. Их не было у героев. Трусость, жалкая забота только о личном благополучии — презренны.

Мужа трусость опозорит.

Обман и измена губят самого обманщика и изменника:

Вслед за телом губят душу двоедушье и обман.

Герои не были ни обманщиками, ни льстецами. Ни золото, ни почести не привлекали их, не делали их жадными. Они заботились и горевали не о вещах, а о людях. Ради общего дела, ради борьбы за мир во всем мире герои оставляли в стороне все личные дела, на время как бы даже забывали любовь к близким людям.

Таковы были герои поэмы „Витязь в тигровой шкуре". Таким рос и наш герой — Багратион.

Среди дикой природы, в атмосфере далеких исторических воспоминаний в родной, любимой и любящей семье незаметно промелькнуло его детство и отрочество.

Юного Багратиона отец решил отправить в Петербург к своей сестре.

Сестра Багратиона-отца, княжна Анна Александровна Багратион, была женой князя Голицына. Она вела открытую светскую жизнь; имела доступ во дворец, хорошо знала многих влиятельных придворных, свитских генералов, знала и светлейшего князя Потемкина.

17-летний князь Петр по вызову тетки приехал в Петербург; у него на плечах — бедная поношенная черкеска. Когда ему был назначен прием у Потемкина, он вынужден был взять парадный и новый костюм у дворецкого тетки. Важный курьер от самого Потемкина и комфортабельный экипаж „светлейшего" ждали юного Багратиона. По Петергофской дороге на 13-й версте от Петербурга находился Потемкинский дворец. Туда и поехал князь Петр. Перед юношей открывалась блестящая придворная

карьера, если бы только он был для нее пригоден. Потемкин приветливо встретил юношу, расспрашивал его о кизлярской жизни, о его вкусах, склонностях и планах. Юноша отвечал быстро, точно, уверенно и просил Потемкина принять его на военную службу.

Потемкин остался доволен племянником княгини Голицыной и приказал зачислить его сержантом в Кавказский мушкетерский полк.

Так в 1782 г. на Кавказе началась боевая юность нашего героя. Там же на Кавказе в войне с чеченцами он получил и первое боевое крещение, и первые офицерские чины. Там же получил он и первую тяжкую рану. Багратион был тогда ординарцем при полковнике и, как всегда, не отставал в атаке от передовых линий наступавших. Тяжело раненый он упал с лошади и остался на поле боя. Его подобрали чеченцы. Узнали в нем отважного грузина-храбреца, бережно вынесли его на руках, перевязали рану, с почетным караулом доставили его в русский штаб и оставили там, не взяв за Багратиона никакого выкупа. Горцы умели ценить доблесть юных храбрецов.

С Потемкиным и Суворовым Багратион ходил за р. Лабу против черкесов. Под командой Суворова осаждал и в кровопролитном штурме брал Очаков (1788 г.).

Суворов уже тогда отметил качества Багратиона, как бойца и полководца. После того Багратион воевал опять на Кавказе против турок и горцев. В ноябре 1793 г. за боевые отличия 28-летний офицер был произведен в премьер-майоры и назначен командиром эскадрона в Киевский гусарский полк; в следующем году Багратион уже командир дивизиона в Софийском карабинерном полку. Дивизион Багратиона действовал вместе с Суворовым в Польше. В польской кампании Суворов, тогда уже 64-летний старик, и молодой 29-летний майор крепко сдружились. Суворов с тех пор дружески называл Багратиона „князем Петром“. Под руководством Суворова князь Петр блестяще усвоил

тактику кавалерийского боя и в частности действия кавалерийских партизанских отрядов.

В 1798 г. Багратиону был дан 6-й егерский полк и чин полковника, а в следующем 1799 г. (34-х лет) он был уже генерал-майором. Багратион делал блестящую по тем временам карьеру. Император Павел I лично знал его, лично следил за его успехами. Ничего не смысля в военном деле, Павел I всегда считал Багратиона образцовым полковым командиром. Багратион был действительно необычайно строг и требователен к себе, к офицерам своего полка и к солдатам. Дисциплина у Багратиона в полку была действительно образцовой. На плац-параде его полк всегда обращал на себя внимание императора особой четкостью строевой подготовки. Багратион—при других качествах характера—мог бы занять блестящее место при дворе и сдружиться с императором, даже таким взбалмошным, каким был Павел I.

Но выросший в семье Багратионов, воспитанный на образах Руставели, верный ученик суворовской школы, князь Петр предпочел сдружиться с русским солдатом, с походной буркой и бить врага в горных ущельях Италии и Швейцарии, на равнинах Австрии и Пруссии, в лесных трущобах и болотистых топях Белоруссии, на Бородинском поле под Москвой. Князь Петр предпочел геройскую смерть солдата бесславной жизни придворного льстеца.

ГЛАВА I

БАГРАТИОН В ИТАЛЬЯНСКОМ И ШВЕЙЦАРСКОМ ПОХОДАХ 1799 г.

14 апреля 1799 г., когда Суворов в Вероне на смотру услышал хорошо знакомое и дорогое ему имя Багратиона, он ожил: „князь Петр!" и Суворов радостно принялся целовать Багратиона. А молодой 34-летний генерал, уже имевший за собой большие военные заслуги, как малый ребенок,

плакал в объятиях Суворова. „А помнишь старину? Походы наши—помнишь?“ И действительно старым друзьям, учителю и ученику, было что вспомнить о прошлом.

Тогда в 1799 г. вместе с русской армией в 114000 человек им предстоял поход в Италию, в долину р. По для изгнания оттуда французов и может быть дальнейшего похода во Францию.

Командиром авангарда Суворов назначил Багратиона. Это было очень почетное и ответственное задание. На новом непривычном и незнакомом театре военных действий от командира авангарда требовались особые качества: уменье ориентироваться в местности и условиях боя, высокая бдительность (Багратиона никогда в жизни нельзя было застать неодетым), исключительная выносливость, выдержка, уменье дождаться и подготовить удобный момент для наступления на врага, стремительность и меткость удара и, наконец, спокойствие и мужество в бою без расчета на резервы или основные силы армии.

„Прощай, князь Петр! Помни: голова хвоста не ждет. Атакуй, голубчик, внезапно, как снег на голову“,—говорил на прощание Суворов Багратиону.

Из Вероны в апреле 1799 г. с 6-м егерским полком Багратион двинулся на фронт. Предстоял 112-километровый путь по плохим итальянским дорогам и прямо с похода—бой с авангардом французов. Путь был пройден в два с половиной дня: каждый день солдаты делали по 45 *км.* Присоединив к себе по пути артиллерию, три сводных батальона гренадер и два полка донцов, Багратион штурмом взял Брешию и Лекко. Французы впервые узнали силу, несокрушимую мощь русского штыкового боя. Суворов подсмеивался над ними и шутливо рекомендовал Багратиону обучить и австрияков—ненадежных союзников России—„таинству побиения неприятеля холодным оружием“.

Однажды на р. Тидоне в жаркий безветренный июньский день французы сильным нажимом заставили отсту-

пить австрийцев. Надо было задержать и обратить в бегство неприятеля. „В атаку!“ коротко приказал Суворов Багратиону. Утомленные в боях солдаты, изнывавшие от жажды и солнцепека, едва дышали. Багратион напомнил Суворову его же собственные правила из „Науки побеждать“: „всегда и везде проявлять заботу о людях“. „Войска утомлены, говорил он, людей—нехватка!“—„В атаку!“ повторил Суворов. И Багратион повел в атаку своих людей: их было 14 тысяч против 19 тысяч французов. Багратион вспомнил и другой завет Суворова: „бить неприятеля тем, чего у него нет!“ Дисциплина, выдержка, стойкость, упорство русского солдата сделали свое дело.

Русский штык, грозно сверкавший на итальянском солнце, заставил французов отойти. К вечеру Багратион устроил своих людей на отдых и ночлег на берегу р. Треббия. Свежая вода, добротная русская каша и тихая ночь быстро восстановили силы солдат. Утром предстоял новый бой и новое наступление русских. Но французы захватили инициативу в свои руки, бросили на Багратиона прославленную в наполеоновских войсках Овернскую бригаду, ту самую, которой Наполеон пожаловал знамя с надписью: „Храбрые воины! Я знаю вас: неприятель не устоит перед вами!“

Лихой штыковой атакой русские после отчаянного кровавого боя смяли, отбросили, рассеяли овернцев. Но французы бросали в бой свежие силы. На линию огня вышли еще две дивизии. Силы сторон были явно неравны.

И Багратион, вспоминая заветы Суворова, начал знаменитую „суворовскую ретираду“, т. е. отступление. Но какое? На каждом шагу отступающие переходили в контратаку, стреляли во врага почти в упор, принимали его на штыки. Окруженные неприятелем со всех сторон, не теряли самообладания, не обращались в бегство, не сдавались врагу. Они занимали своеобразную кольцевую позицию и во всех направлениях по окружности отбивались от врага. Но враг наседал, и при всем своем мастерстве в аван-

гардных боях Багратион видел, что авангард французов сомнет его гренадер.

Багратион доложил об этом Суворову и сообщил, что непрерывный огонь выводит из строя даже ружья: их надо чистить „от накипи“, иначе замки и полки отказываются работать. Жара то и дело выводила из строя людей: один за другим падали они, пораженные солнечным ударом. Суворов поскакал к месту боя. Рядом с ним—Багратион. „В атаку!“ приказал Суворов. И не взирая на то, что французы бросили в бой свои последние, но свежие резервы; несмотря на то, что русские были утомлены многодневными боями, суворовская атака сделала свое дело. Французы остановлены и обращены в бегство. А Суворов приказал не выпускать врага, „доколе истреблен не будет“.

К августу русский авангард, которым командовал Багратион, подошел к гор. Нови. Русские были в долине. Город господствовал над долиной, прячась за каменной стеной и отрогами Аппенин.

Багратион решил взять город по суворовски лобовым ударом. Загрохотала русская артиллерия. Русская пехота через канавы, овраги, протоки, не нарушая стройных рядов, с барабанным боем пошла в атаку. Французская картечь остановила храбрецов. Ряды сломались, атака сорвалась. Но Багратион повел солдат в повторную атаку. Его поддержали части Милорадовича. Тогда французский гарнизон пошел на вылазку, а с флангов Багратион был охвачен двумя полевыми колоннами неприятеля. Багратион, как на маневрах, выстраивает войска и принимает бой почти в безнадежных для него условиях. Багратион атаковал французов трижды. Французы отошли под защиту крепостных батарей. Но сказалось утомление солдат. На время бой затих. Полуденное солнце припекало немилосердно. Но как только жара начала спадать, бой возобновился с новой силой.

Багратион взял город Нови. Половина армии Моро бы-

ла уничтожена. Французы отступили из Италии. Итальянская кампания Суворова закончилась.

За 5 недель Суворов и его „чудо-богатыри" отвоевали от французов всю долину р. По. Пройдя с боями более 425 *км*, они вышли на дальние подступы к французской границе: путь во Францию через Савойю лежал перед ними открытым. За победу при Нови Павел I повелел даже в своем присутствии отдавать Суворову такие воинские почести, какие по уставу отдаются только особе императора.

Испуганное успехами русских в Италии и французов в Швейцарии, австрийское командование настояло на посылке Суворова в Швейцарию на помощь австриякам.

10 сентября 1799 г. Суворов начал поход. Во главе авангарда суворовской армии шел опять Багратион. Кому как не „князю Петру" можно было поручить столь ответственное и опасное дело, как командование авангардом, в особенности в непривычных для русского войска горных, альпийских условиях. Багратион с его умом тонким, находчивым, гибким должен был провести своих людей, конницу и артиллерию, сберечь здоровье и жизнь каждого бойца; обеспечить каждому отдых, пищу и ночлег. Путь до Сен-Готарда труден даже для испытанных, специально снаряженных для горной экспедиции альпинистов. Каково же было русскому мужичку среднерусской равнины или жителю далеких лесов болотистого Пошехонья карабкаться по альпийским тропкам, камням и утесам с винтовкой и полной походной боевой солдатской выкладкой. Неопытные проводники, неверные карты или полное их отсутствие ставили Багратиона и его штаб в условия почти трагические. Люди—„альпинисты поневоле"—могли погибнуть бесследно в горах.

Мало того, Суворов указал Багратиону самый трудный, почти неприступный путь через Сен-Готард. Но у Сен-Готарда на перевале, у высоких снежных альпийских вершин, их ждали французы. В каждом ущелье надо было

ждать врага. Враг подстережет их и при спуске с гор, при выходе в швейцарские долины. И, наконец, что ожидало солдат-альпинистов даже после счастливого окончания альпийского перехода? Новые ожесточенные бои со свежими и крепкими силами французов.

Швейцарский поход длился две недели. За эти две недели каждый солдат пережил как бы новую и страшную, и интересную жизнь. В жизни Багратиона эти две недели стоили многих лет теоретической учебы. Из своих учеников, конечно, только Багратиону Суворов мог поручить авангард при восхождении на гору и арьергард при выходе из альпийских круч. Даже в авангарде Багратион шел впереди. Туманы, ливни, мутные горные потоки, узкие, едва заметные горные тропы, обвалы, ущелья Багратион преодолевал первым. Как не полюбить, как не пойти за таким командиром, хотя бы и на Сен-Готард? И люди шли, цепляясь, карабкаясь, скользя, ползли ползком, подпирая друг друга прикладом, упираясь о каменистую почву штыком, ползли и иногда беззвучно соскальзывали в пропасть. Люди шли и с тревогой смотрели, как их командир, слегка припадая на левую ногу, раненую еще 5 месяцев тому назад, с ловкостью, природной для грузина, карабкается неутомимо ввысь. Кто знает, может быть образы далекой Грузии не покидали тогда Багратиона. Молчаливый, сдержанный Багратион редко с кем делился своей лирикой, мало кто знал его личную и семейную, неудачно сложившуюся жизнь.

Так шли первые дни похода.

На подступах к Сен-Готарду Суворов разделил армию на две колонны. Себе Суворов оставил лобовую атаку Сен-Готарда. Багратион должен был обойти французов с правого фланга и выйти им в тыл. Французы, пользуясь превосходством своих позиций, на подступах к Сен-Готарду поливали русских свинцом.

Суворовские „чудо-богатыри“ под личной командой „батюшки Александра Васильевича“ оправдывали свое

прозвание: французы вынуждены были отступать в горы. Целый день двигались суворовские части. Но Багратиона Суворов не видел и ничего о нем не знал. Пропали! Откладывать штурм перевала—нельзя! Суворов отдает приказ: „в атаку!“

Ружейный залп отдался в горах тысячеголосым эхом. И в этот момент на снежных альпийских вершинах в тылу у французов показались люди. Это был Багратион со своим отрядом. Он вышел в нужное время и в нужном месте, совсем как на маневрах, так, как если бы он был не на вершине Альп, а на плац-параде.

Стоит ли говорить о том, что французы скатывались под гору, как могли. Суворов и Багратион в восхищении громили врага, а позже при встрече старик поцеловал князя Петра.

После Сен-Готарда последовали бои за Урзернскую щель, за Чортов мост, за Альтдорф на Люцернском озере. Затем героический переход через Ротштокский хребет и, наконец, спуск в Мутенскую долину.

Багратион шел опять в авангарде. Спустившись в долину, русские наткнулись на французский отряд. Французов окружили и взяли в плен. На следующий день, когда подтянулись основные силы Суворова, Багратион был вызван к главнокомандующему. Суворов был взбешен новым австрийским предательством. Русские окружены горами и французами: австрийцы сознательно загоняли русских в тупик, давая ложные сведения о маршрутах, отказывая в продовольствии, в боевом снаряжении и вооружении.

Суворов говорил взволнованно, отрывисто и резко. Путь один: спасать армию, вырвать ее из окружения; полагаясь на мужество и героизм бойцов, обойти врага с юга, для чего предстояло сделать еще один мучительный переход через хребет Паникс. Предстояло новое отступление, новая „ретирада“. И Суворов отступал, но как?

В „суворовских ретирадах“ армия уходила из-под удара

врага нетронутой. Но арьергард при таком отступлении бывал обречен на смерть. Арьергард принимал на себя самые страшные удары наседающего врага и имел при этом только один выход: умереть, но задержать врага, беспощадно истребляя его живую силу и технику.

Кто из суворовских генералов мог бы быть командиром такого арьергарда? Кому солдаты, обреченные на смерть, доверят свою жизнь?

Суворов недолго думал над этими вопросами: князь Багратион был назначен командиром арьергарда.

Легендарный поход суворовской армии начался в ночь на 24 сентября 1799 г. На следующий же день 5-тысячный французский авангард обрушился на 2-тысячный отряд Багратиона. Завязался смертный бой. Но с каждой минутой увеличивалось расстояние, отделявшее суворовскую армию от места боя. Багратион не уступал ни пяди. Люди падали, умирали от ран. Сам Багратион каким то чудом спасся от смерти. Русские дрались, как обреченные. Расстреляв патроны, они штыками осадили неприятеля. Армия была спасена.

Суворов представил Багратиона к награде, как „отличнейшего генерала, достойного высших степеней". Павел I наградил Багратиона тремя орденами и тремястами душ крепостных в сел. Сима Владимирской губ. А несколько позже назначил его командиром лейб-гвардии егерского полка.

Но Багратиону дороже всех царских наград и всех царских милостей была старинная суворовская шпага, которую еще в Италии он получил от Суворова и с которой он с тех пор уже никогда не расставался.

ГЛАВА II

БАГРАТИОН — МАСТЕР АРЬЕРГАРДНОГО БОЯ (1805—1807 гг.)

Как бы состязаясь с Суворовым, Наполеон, прибывший из Египта во Францию, совершил свой мастерской пере-

ход через Сен-Бернар и громил австрийцев там, где незадолго до того Суворов бил французов. „За божеское наказание почитаю, что ни разу не встретился с Буонапартием", говорил старик Суворов.

18 брюмера (9—10 ноября) 1799 г. Наполеон—французский генерал Бонапарт — захватил распадавшуюся власть Директории в свои руки. Через несколько лет в 1804 г. „маленький корсиканец" объявил себя „императором французов". Наполеон давно забыл подлинно революционные лозунги республиканской Франции, лозунги: „свободы, равенства и братства", „мир хижинам — война дворцам". Наполеон оставил от французской революции только то, что было выгодно крупной фрацузской буржуазии. Наполеоном и французской буржуазией овладели безумные мечты о господстве над всей Европой, над миром. Наполеоновская императорская Франция открыла новую серию войн — грабительских, захватнических. Наполеон проник в Игалию, и „Генуя и Лукка стали не больше, как поместьями фамилии Бонапарта" (Лев Толстой. „Война и мир").

Начались походы агрессора Наполеона в Австрию, Пруссию, походы 1805—1807 гг., закончившиеся разгромом и Австрии, и Пруссии.

Против Наполеона в Австрии во главе русской армии действовал Кутузов. Видя неизбежность разгрома Австрии и двоедушие ее политики, Кутузов ставил перед собой одну задачу: сохранить русскую армию и каждого бойца; во что бы то ни стало вывести армию из-под удара.

Наполеон рассчитывал истребить русскую армию под Кремсом. Не удалось. Кутузов ушел. Наполеон решил занять Вену и, окружив Кутузова, отрезать русской армии путь к отступлению, уничтожить ее или принудить к сдаче. Кутузову предстояло отступление. Подобно Суворову, он тоже отступал. Но как? Он вызвал к себе Багратиона и, дав ему отряд в 6000 человек, приказал прикрывать тыл отступающей армии так, как учил этому Суворов. Багра-

тион понимал, что это значит, а потому простился с Кутузовым и друзьями, как прощаются люди, идущие на верную, неизбежную смерть.

„Стану на месте и баста", говорил Багратион Кутузову в ответ на его предупреждение, что надо быть готовым ко всему, что биться надо до последнего солдата, но не отступать.

Положение Багратиона на этот раз осложнялось тем, что в его отряде не было необходимого единодушия. Австриец граф Ностиц командовал австрийскими гусарами, которых Кутузов также включил в арьергард. В критическую минуту, когда Багратион готовился дать бой коннице Мюрата и гренадерам Удино, наседавшим на арьергард русской армии, граф Ностиц прислал Багратиону курьера и сообщил, что Австрия уже заключила мир с Францией, а потому австрийские части в войне больше не участвуют.

Князь Багратион быстро понял, что граф одурачен Мюратом, и лично поскакал к нему: „Граф! Это же военная хитрость! Одумайтесь!" Но граф решительно не хотел воевать и радовался любому предлогу отказаться от войны.

„Мы больше не воюем", повторял граф беззаботно.

Багратион оставался один с русскими мужичками в чужой стране против первоклассных войск наиболее передовой и самой сильной европейской армии Наполеона. Против 30 тысяч фрацузов Багратион имел отряд в 6000 человек. Форсированные марши и непрерывная бивуачная жизнь утомили солдат. „Истребление отряда князя Багратиона было неминуемо, как равно разбитие самой армии", доносил позже Кутузов.

Действительно, когда в 5 час. дня 4 ноября 1805 г. у дер. Шенграбен тысячи французов двинулись как тучи на горстку русских, всем казалось, что русские погибли. Вражеская пехота заходила русским в тыл, конница била с флангов и в лоб. Грохот артиллерии, ружейная трескотня, поднявшаяся со всех сторон, быстро разрушили линейный фронт. Но с поразительным мастерством солдаты

сами усваивали новую тактику боя. Разбившись на мелкие подразделения и группы, оказывая друг другу поддержку и помощь, они создавали как бы кольцевые точки обороны и по окружности отбивали врага ружьем, гранатой и штыком. Наполеон прискакал к дер. Шенграбен.

В последнюю, самую отчаянную, атаку князь Багратион лично повел тот самый 6-й егерский полк, командиром которого он когда-то был.

Багратион готовился к бою и ждал. Его „круглые, твердые ястребиные глаза восторженно и несколько презрительно смотрели вперед, очевидно ни на чем не останавливаясь, хотя в его движениях оставалась прежняя медлительность и размеренность" (Лев Толстой).

Багратион терпеливо ждал вызванных им егерей. Два батальона 6-го егерского еще не поровнялись с Багратионом, а уже слышен был тяжелый грузный шаг, отбиваемый в ногу всей массою людей.

Голова французской колонны с офицерами впереди, показалась из-под горы.

„С богом" — проговорил Багратион твердым слышным голосом, на мгновение обернулся к фронту и, слегка размахивая руками, неловким шагом кавалериста, пошел вперед по неровному полю".

„Уже близко становились французы, уже князь Андрей, шедший рядом с Багратионом, ясно различал перевязи, красные эполеты, даже лица французов, Багратион не давал нового приказания и все так же молча шел перед рядами. Вдруг между французами треснул один выстрел: другой, третий"... „Багратион оглянулся и закричал, „Ура! — Ура-а-а!" протяжным криком разнеслось по нашей линии и, обгоняя Багратиона и друг друга нестройною, но веселою и оживленною толпой, побежали наши под гору за расстроенными французами" (Лев Толстой. „Война и мир").

Мастерская атака 6-го егерского обеспечила отступление правого фланга. Наполеон видел всю эту картину. Он

по достоинству оценил мастерство лучших русских полководцев и русских солдат. Дер. Шенграбен, зажженная русской артиллерией, полыхала пожаром. Наполеон дал приказ: прекратить дальнейшие атаки. Багратион отошел на соединение с главной армией. Армия была спасена.

Кутузов в тот же день доносил Александру I.

„Истребление корпуса, командуемого сим генералом, было неминуемо, равно как и разбитие всей нашей армии. Но храбрый генерал-майор князь Багратион, ни мало не теряясь, с корпусом из 6000 человек, сражаясь с неприятелем из 30000, сего числа присоединился к армии, приведя с собой пленных: одного подполковника, двух офицеров и 50 рядовых и знамя французское“.

Так закончилось Шенграбенское дело. Русская армия отступала в порядке.

В 1806 г. военные действия развертывались в Восточной Пруссии. Когда после изнурительных осенних боев русская армия отходила к Прейсиш-Эйлау, арьергардом опять командовал Багратион. Он разделил его на три части — по числу отступающих колонн армии, но в своих руках сохранял общее руководство всеми их боевыми действиями и маршами. В донесениях Багратион неизменно сообщал: „отбили атаку“..., „ходили в штыки“. И всякий раз русские солдаты очищали себе путь, не оставляя неприятелю, как говорил Багратион, „ни повозки, ни колеса“.

На подступах к Прейсиш-Эйлау 24 января 1807 г. арьергардные бои были особо ожесточенными. Багратион на поле боя противником своим имел самого Наполеона. Наполеон бросил в бой конницу Мюрата, корпус Ожеро и корпус Сульта. И опять численное превосходство французов уступило выдержке, стойкости, упорству, мужеству, героизму русского солдата и Багратиона. Под Эйлау Багратион опять лично пошел в атаку, опять сошел с коня, взял в руки русское знамя и бесстрашно понес его, высоко держа над головой, впереди своих героев. Позиция

была взята без выстрела — штыком. На кладбище Эйлау Наполеон едва не попал в плен к русским.

За дело под Фридландом Багратион был награжден золотым оружием с алмазами и надписью „За храбрость".

Но Тильзитский мир (1807 г.) закончил захватническую войну Наполеона, столь победоносную для него, столь бесславную для Австрии и Пруссии — „Наполеон дунул на Пруссию и Пруссии не стало" (Гейне) — и столь славную для русской армии даже и тогда, когда русская армия отступала.

Мир наступил но не для Багратиона. В 1808 г. Багратион был уже в Финляндии, где до него несколько раз побывал Суворов, инспектируя пограничные укрепления. Багратион с боями прошел Финляндию до Або, в 18-часовом бою разбил шведов, загнав их на суда, а позже зимой по шхерам и льду Ботнического залива перешел на Аландские острова и занял их. По миру 1809 г. острова перешли к России: в 1829 г. Россия начала их укрепление, но в 1854 г. в условиях Крымской кампании она не могла их удержать и укрепления на Аландских островах были разрушены.

ГЛАВА III

БАГРАТИОН — ГЕРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г.

Мысль о мировом господстве овладела буржуазной Францией. Наполеон, верный страж ее интересов, развернул целую серию войн захватнических, грабительских по существу. Огромная французская армия — до 300 тысяч человек — была брошена в Испанию. Однако она не могла преодолеть героического сопротивления испанского народа. Повсюду в Центральной Европе Наполеон раскидывал свою агентуру, создавал опереточные „королевства" в Германии и Италии, присоединял к Франции города по

побережью Северного моря (Гамбург, Бремен, Любек); захватил Голландию, приказал арестовать папу римского и захватил Рим.

„Города, области, государства уже не оружием смирялись, но покорялись по одному его слову, по его декретам“.

Россию Наполеон пытался еще в 1810 г. подчинить своему таможенному надзору, пытался овладеть всей внешней торговлей России. Франция спорила тогда с Англией о мировом господстве. Наполеон мечтал об уничтожении английского господства на морях, об уничтожении английского торгового флота и английской торговли. Во Франции, в портовых городах полыхали огромные костры: Наполеон сжигал английские товары.

Однако „гром гремел еще далеко и, казалось, не угрожал России“. Провоцируя Россию на войну, Наполеон занял герцогство Ольденбургское, верховным владетелем которого был император России: герцогство Ольденбургское упоминалось в титуле русского императора. По этому поводу министр иностранных дел Франции говорил русскому послу во Франции кн. Куракину: „Мелкие владения не могут оставаться, когда их существование противно политике и выгодам больших держав, которые подобно быстрым потокам поглощают все, что встречают в своем течении. Вот правила императора Наполеона“. Эти правила много раз повторялись в истории захватнических войн. Прусский король Фридрих II формулировал их в свое время еще проще:

„Если вам нравится чужая провинция и вы имеете достаточно средств, занимайте ее“.

Россия протестовала по поводу захвата Ольденбурга и слухи о разрыве дипломатических отношений России и Франции распространялись как в Париже, так и в Петербурге. „Минута великой борьбы приближается“ писал Чернышев еще 17 июля 1811 г. Он же через два месяца докладывал императору: „Война решена в уме Наполеона...

Мысль о мировладычестве так льстит его самолюбию и до такой степени занимает его, что никакие уступки, никакая сговорчивость с нашей стороны не могут уже отсрочить великой борьбы, долженствующей решить участь не одной России, но всей твердой земли" (т. е. всех континентов мира).

В декабре 1811 г. русский посол кн. Куракин писал Александру I: „Наступает время с мужеством и непоколебимою твердостью защитить достояние и неприкосновенность границ России". Только неудачи войны в Испании еще задерживали Наполеона, но мирные переговоры России с Турцией очень беспокоили его. В январе 1812 г. он приказал объявить мобилизацию запаса 1791 г. Две недели спустя, он занял шведскую Померанию, южное побережье Балтийского моря и остров Рюген, вплотную подойдя к русским границам. В ответ на запросы и протесты России Наполеон 13 февраля 1812 г. вероломно и нагло говорил Чернышеву: „Положительно уверяю вас, что в настоящем году я не начну войны".

Русский штаб знал цену дипломатическим заверениям Наполеона и со своей стороны принимал необходимые оборонные мероприятия. 19 марта были организованы две западные армии. Во главе первой западной армии был поставлен Барклай де-Толли. 2 апреля 1812 г. Багратион был назначен главнокомандующим второй западной армии. Кутузов тогда же был назначен в южно-дунайскую армию.

Вторая западная армия состояла из 7-го пехотного корпуса ген. Раевского, 8-го пехотного корпуса ген. Бороздина, 4-го резервного кавалерийского корпуса графа Сиверса. Под командой Бороздина была также сводная гренадерская дивизия гр. Воронцова, позже погибшая славной геройской смертью в день Бородинского боя на защите багратионовых флешей.

Мощный поток наполеоновских армий катился отовсюду—от Рейна и Эльбы, от Дуная и альпийских гор к рус-

ской границе. 5 апреля в России был объявлен рекрутский набор. Наполеоновские монетные дворы усиленно печатали тогда фальшивые русские ассигнации для будущего похода в Россию. А Кутузов—великий стратег и мастер дипломатического искусства—28 мая заключил мир с Турцией и освободил русскую Дунайскую армию для борьбы с Наполеоном. В то время французские разъезды уже довольно открыто появлялись на левом берегу Немана. Русские пограничники видели как спешно подвозились к реке лесные материалы и баржи; как под видом купанья в жаркую пору, разведчики врага изучали реку и искали наиболее удобные места для переправы и в этих поисках часто переходили границы запретной зоны и оказывались в пределах русских вод.

14 июня прекратилось всякое сообщение между левым и правым берегом Немана. Объявление войны буквально висело в воздухе.

Всем было ясно, что Наполеон вплотную подошел к осуществлению плана новой грабительской войны, к новому вероломному нападению на Россию. Для Наполеона это было тем более необходимо, что в наполеоновской Франции было неспокойно. Государственные тюрьмы Франции были переполнены. На печать была наложена тяжкая рука наполеоновского цензора. „Если я сниму с печати узду—говорил Наполеон—я и трех месяцев не останусь у власти". В Париже было только 3 газеты и те писали только то, что угодно было императору. Между прочим, одной из излюбленных газетных и журнальных тем была тема о нищете английских рабочих, якобы завидующих счастливому жребию и довольству своих французских товарищей. Блокада Англии не обогащала Франции.

Народное хозяйство во Франции было расстроено, весной и летом 1812 г. в Париже и во многих французских городах происходили волнения. Император демагогически призывает к борьбе с собственниками: „собственники никогда не бывают в согласии с народом и первая

обязанность государя, не слушая их, стать на сторону народа". Мартовский декрет Наполеона о двух миллионах порциях супа для бедных парижан, конечно, не разрешал вопроса.

Победоносный поход в Россию мог бы разрешить разом и надолго страшно запутанные дела французской империи: Англия лишилась бы своего возможного и мощного союзника на востоке, блокада Англии развернулась бы с удвоенной силой; ресурсами России французский император распоряжался бы по своему усмотрению. Коренное французское и в особенности парижское население кормилось бы за счет новой восточной колонии. Народ кликами восторга встретил бы победоносного императора. Вот какие мечты увлекали Наполеона по ту сторону русской границы.

Вот почему тайком с небольшим отрядом близких ему людей Наполеон, одетый в форму польского улана, лично осматривал берега реки Немана в окрестностях Ковно, а вечером 23 июня еще раз побывал там, где в Неман впадает речка Еся. Это место расположено несколько выше Ковно. Здесь около устья Еси имеется холм, господствующий над рекой и обоими берегами. И вообще весь левый возвышенный берег держит под ударом весь правый низменный берег. Для переправы французской армии через русскую границу трудно было отыскать более удачное место. К вечеру того же дня корпус Даву был стянут к речке Еси и скрыт в окрестном лесу. Солдатам было запрещено зажигать огни, шуметь и ходить по лесу. Летние дни долги. Сумерки сгущались медленно. Но как только стемнело, рота французских сапер перешла на правый берег, быстро окопалась, закрепилась, и приступила к наводке мостов. Русские казачьи пограничные разъезды, быстро обнаружили непрошенных гостей. В ответ на тревожные оклики: „Кто? „Зачем?" раздались первые выстрелы с французской стороны. Завязалась перестрелка. На помощь французским саперам перешли реку первая,

вторая, третья роты французской пехоты. Артиллерия закрепившись на левобережных холмах, начала обстреливать русских пограничников. Дальнейшее их сопротивление было бессмысленным. Пограничники отступили и, разведав силу французской армии, дали знать в штаб о вероломном нападении французской армии на русскую границу. Так началась Великая Отечественная война.

В 11 час. вечера французские саперы навели через Неман три моста. И едва заалел восток, как живой нескончаемый поток людей различных национальностей двинулся в поход. Это было 24 июня 1812 г. Армия „двунадесяти языков" двинулась на Россию. Одним из первых через Неман перешел нетерпеливый Наполеон. Остановившись у моста, он долго стоял, пропуская в Россию свою „непобедимую" армию. Перед Наполеоном с криками „Да здравствует император!" проходили освещенные ярким июньским солнцем блестящие ряды кавалеристов (уланы, драгуны, гусары, кирасиры), шли пехотинцы (гренадеры, стрелки, карабинеры). Прошли отборные гвардейские части, артиллерия... „Да здравствует император!" кричала армия. Наполеон любил эти восторженные клики. И, может быть, тогда на берегу Немана он уже видел себя и французскую армию на параде в Москве, на Красной площади. Скорее бы в поход, на Москву! И тут на берегу Немана его прежний дрезденский план, разработанный месяц тому назад и имевший в виду для кампании 1812 г. захват Минска и только, сменился новым планом. Медлительность темпов исторического движения выводила его из себя. Жажда молниеносных ударов в самое сердце России овладевала им. Увлеченный мечтами, Наполеон пришпорил коня и, к удивлению свиты, один помчался к лесу. Верст пять скакал он по сыпучим пескам и суровому пограничному ельнику. Вернувшись, Наполеон стал во главе одного из гвардейских полков и с ним вошел в Ковно. Через речную переправу подтягивались армейские обозы. Грянула гроза. Хлынул ливень. Дорога преврати-

лась в непроходимое болото. Переправа завершилась в полном беспорядке.

Ответственность за войну Наполеон не постеснялся переложить на плечи России. В своем манифесте он писал: „Пойдем вперед! Перейдем Неман! (впрочем, когда появился манифест Наполеона, Неман был уже перейден). Внесем войну в русские пределы. Мир, который мы заключим, будет прочен и положит конец 50-летнему кичливому влиянию России на дела Европы". Наполеон был уверен в победе: он вел за собою 400-тысячную армию при 2300 орудиях. Россия могла выставить против только около 200000 при 1600 орудиях. Правда, так думал Наполеон, у России велики ресурсы живой силы, но их надо мобилизовать. А мобилизация армии в крепостной России занимала многие, многие месяцы, иногда год. Наполеон же рассчитывал на молниеносный удар. „Я закончу кампанию в Минске и Смоленске до наступления зимы", говорил Наполеон Меттерниху. И действительно, на западных границах России Наполеона встречали сравнительно слабые силы.

Россия держала там три армии: первая западная армия под начальством генерала и военного министра Барклая де-Толли располагалась на фронте протяжением свыше 200 километров по правому берегу Немана от Россиен до Лиды и фронтом была обращена к линии Тильзит-Ковно-Гродно. Вторая западная армия под начальством князя Багратиона держала фронт по левому берегу Немана, к югу от Гродно, протяжением свыше 100 *км* от Лиды до Волковыска. Стык между I и II армиями прикрывали донские казаки под командой атамана Платова: „Платовские молодцы" стояли в Гродно. Третья вспомогательная „обсервационная" армия ген. Тормасова располагалась к югу от Пинских болот, опиралась на Луцк, перед собой имея Львов. Третья армия охраняла подступы к Украине.

По числу людей первая армия была наиболее многочисленной: в ней было около 120000 человек. В армии

кн. Багратиона было значительно меньше—около 40000 чел. В армии Тормасова - 45000 чел. Всего в первой линии числилось таким образом около 200000 человек, т. е. ровно в 2 раза меньше, нежели в армии Наполеона. Но история учит нас, что численное превосходство как в живой силе, так и в технике в начале войны еще не решает вопроса при умелом ее ведении. Выигрывает войну тот, чьи материальные и моральные ресурсы возрастают во время войны, проигрывает войну тот, чьи ресурсы (материальные и моральные) иссякают во время войны. Не вполне выгодно было само расположение русских армий: по фронту огромной протяженности они вытянулись тонкой едва ощутимой линией. Правда, и фронт наполеоновских войск протягивался от Кенигсберга до Люблина. Может быть, следовало вспомнить опыт петровских войн со Швецией и то мастерское расположение ударной группы русских войск, которое при любом движении врага внутрь страны (на Полоцк—Петербург или на Смоленск—Москву) обеспечивало возможность движения армии в любом направлении.

Русское командование ожидало удара от врага по первой западной армии. Вторая армия предназначалась для удара по коммуникациям врага. Третья армия охраняла фланги армии кн. Багратиона.

Когда Наполеон переправлялся через Неман, Александр I был в Вильно; 24 июня на балу у Беннигсена император узнал о переправе вражеской армии через границу. Александр I и его штаб—в смятении. С первых же шагов дало себя знать отсутствие подлинного, столь необходимого на войне единовластия. Три дня продолжались колебания. Три дня драгоценного времени были подарены Наполеону. Правда, планы Наполеона были еще неясны. Попрежнему штаб полагал, что основной удар будет нанесен армии Барклая де-Толли. Но что̀ делать? Принимать бой? Отступать? Неясно. Никто не знал, что делать. До 27 июня Барклай настаивал на защите (или вернее: дипломатически

не возражал против защиты) Вильно. Но 28 июня Барклай отступил от Вильно, а Багратион 29 июня из Волковыска*. И 28 же июня Наполеон вступил в Вильно.

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ НЕМАНА ДО ДНЕПРА

Отсюда из Вильно веерообразным мощным потоком бросил он свои армии против русских. Армия маршала и неаполитанского короля Мюрата пошла на север, на Свенцяны, имея задачу разрезать первую западную армию Барклая де-Толли на две части: правое крыло—оторвать от левого крыла (ген. Дохтурова) и по частям уничтожить. Армия маршала Даву должна была отрезать армию Багратиона от армии Барклая де-Толли, оттеснить ее на юг и в болотах Припяти уничтожить.

Основные силы армии, гвардия Наполеона и сам Наполеон шли на Витебск. Мюрат и Даву должны были расчищать ему путь на Смоленск и Москву. Москва, как важнейшая в русской кампании „политическая позиция", всегда привлекала к себе внимание Наполеона.

Наполеон нетерпеливо искал генерального боя с русской армией. „Весь план моего похода в сражении", говорил он. Наполеон был вполне уверен в победе: „Еще одна война—еще один триумф для меня".

Но так стремителен и так мощен был поток его 400-тысячной армии, что русский штаб при всех колебаниях и изменениях в его стратегическом плане не мог и подумать о сражении. Отступать, идя на соединение двух западных армий; отступая и отдавая врагу территорию, выиграть время для мобилизации живой силы страны и материальных ресурсов—таково было решение, принятое штабом в первые же дни войны и отступления.

Багратиону 24 июня было приказано: итти прямо на север на соединение со второй армией в местечке Мосты на р. Немане.

---

* Схему похода Багратиона см. на стр. 57.

Армия Багратиона должна была подкрепить казачий корпус атамана Платова и вместе с ним действовать на правом фланге наполеоновских войск, отступая к Борисову. Неизбежность отступления русской армии была ясна и для Багратиона. Но распоряжения русского штаба не могли поспеть за быстрыми темпами движения французских

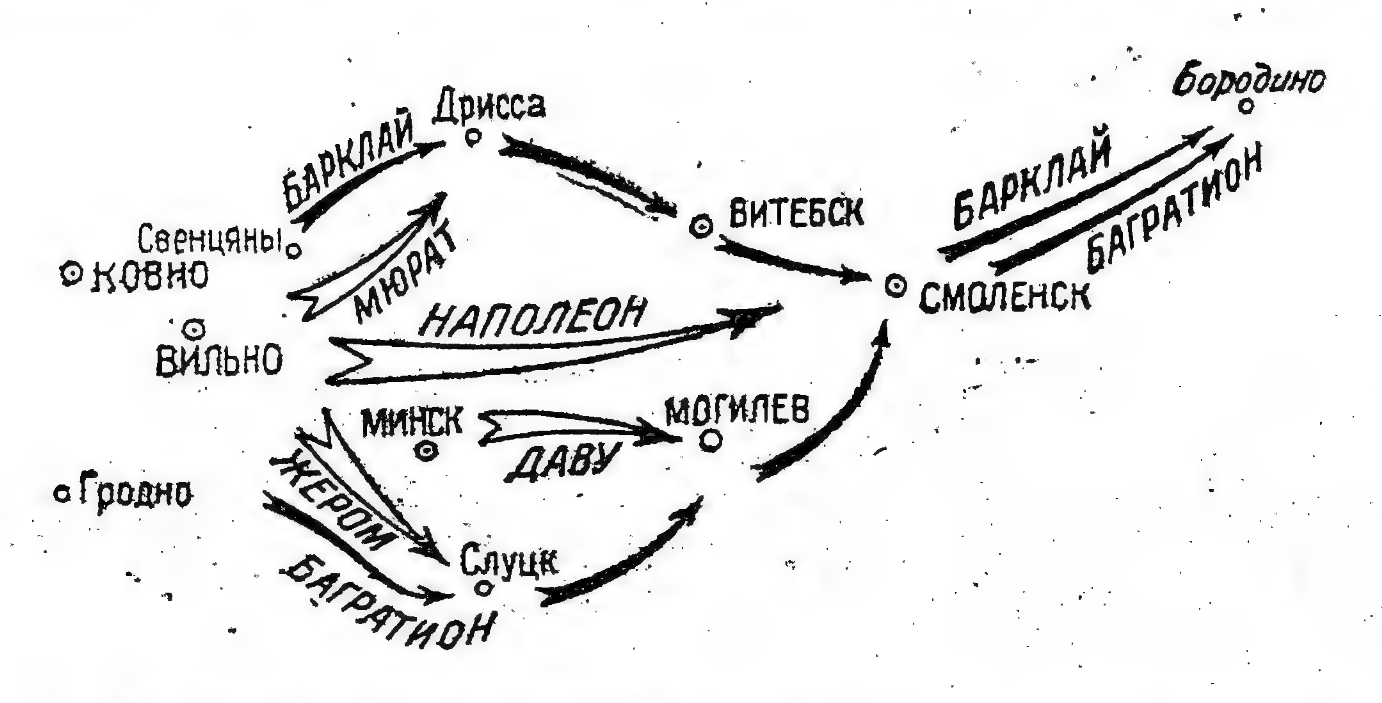

Рис. 1. Движение войск русских и французских в кампании 1812 г.

войск. Багратион вынужден был действовать самостоятельно: он отказался от движения на север и решил отступать на восток на Слоним. 26 июня Багратион сообщил о своем решении Платову и в этом письме изложил свой стратегический план.

Этот план прост, ясен и целесообразен. Его основные пункты таковы: 1) отступать, поддерживая связь с первой армией и идя на соединение с ней; 2) отступая наносить неприятелю максимальный вред, уничтожать его технику и материальные ресурсы, обозы и продовольствие, выматывать врага в арьергардных боях, уничтожать живую силу врага. Иначе говоря: отступать, но отступать так, как Суворов отступал из Швейцарии, как Кутузов отступал из Австрии, как Багратион „отступал“ от Шенграбена. Отступать, но отступая бить врага. Отступать, но отступая—побеждать.

Располагая примерно 40-тысячной армией, Багратион не предполагал, что Наполеон именно на него обрушит один из основных своих ударов; что во фланг наперерез ему, Багратиону, Наполеон бросит 50-тысячную армию Даву, а в тыл, вдогонку за Багратионом направит 35-тысячную армию Понятовского и 16-тысячную армию своего брата, незадачливого вояки, Жерома Бонапарта, короля опереточного Вестфальского королевства; основные силы маршала Даву Наполеон укрепил еще резервными частями Груши и Латур-Мобура, общей численностью до 15 тысяч человек. Одним словом, Багратион не предполагал, что в нем, Багратионе, Наполеон видел одного из самых опасных своих врагов. „Генералов хороших в России нет, кроме одного Багратиона", говорил Наполеон, слишком рано скидывая со счетов 67-летнего Кутузова.

В письме к Барклаю де-Толли от 26 июня, когда враг шел уже к Вильно, Багратион запрашивает дополнительные указания штаба: итти ли в Минск? И одновременно предлагает использовать тактику удара по вражескому тылу. Багратион предлагал Барклаю диверсию на Варшаву, что, конечно, не означало отказа от основного плана, принятого и Барклаем, и Багратионом.

Стратегический план Барклая де-Толли и Багратиона был единым планом. Но тактика Барклая, стратега-дипломата, чрезвычайно осложнялась присутствием в штабе армии императора и его свиты. Императорская свора без толку вмешивалась в дела обороны страны и значительно осложняла тактические разногласия Барклая и Багратиона.

Армия Наполеона упорно наседала на русскую армию, и с 28 июня донские казаки под командой Платова начали свои ежедневные бои с французскими передовыми частями. Началась славная героическая эпопея отступления Суворовского типа. Июньская-июльская жара перемежалась с летними ливнями. Болота, топи и пески на каждом шагу ставили перед бойцами сложные преграды.

Поразительную находчивость, сметку, инициативу, во-

лю к борьбе и победе над вероломным врагом, посягнувшим на честь и независимость родной страны, проявили бойцы в первых же арьергардных боях. Грабительская армия Наполеона на себе испытала, как прочно русская армия освоила уроки Суворова и Кутузова.

29 июня, узнав о движении французов на Сморгонь и Минск, Багратион приказал своей армии отступать на Слоним. В первый же день армия прошла более 40 *км*. И на первой же дневке в Зельве Багратион получил от Александра I „собственноручно“ написанное повеление.

Александр I отказывался от указаний, данных 24 июня. Перед Багратионом он ставил новую задачу: отказавшись от совместных действий с Платовым итти на соединение с первой армией, а после соединения действовать против Наполеона „наступательно“. Багратиону было приказано итти на Новогрудок и оттуда отступать на Минск и Борисов. Движение к Новогрудку, на север, предписанное штабом, чрезвычайно осложняло положение армии Багратиона, сближая ее не с армией Барклая, а с армией Даву. Багратион, опираясь на данные разведки, отвечал императору: „приказ будет выполнен, но придется и отбиваться от врага и пробиваться через вражеские преграды“, а потому трудно определить сроки и темпы похода: „определить точного времени соединения с Барклаевой армией не смею, поелику удостоверен, что неприятель будет преграждать путь мой и беспокоить войска на переходе толикого пространства“.

В одном из частных писем Багратион не скрывает раздражения по адресу штаба: „ей богу, с ума меня свели от вышеупомянутых перемен“.

Без дневок трехдневным маршем армия Багратиона шла до Новогрудка (около 100 *км*). Обозы и больные были направлены прямо на Бобруйск. Из Новогрудка армия прошла до Николаева на Немане и начала переправу через реку. Переправа происходила в особо ускоренных

темпах. Понтонов не было. По летучему мосту и парому первая колонна уже перешла на правый берег реки, как вдруг Багратион отдал приказ переправу прекратить, первой колонне переправиться обратно. В чем дело? Оказывается разведка сообщила ему, что в тылу армии появились передовые части французов (это была армия Жерома Бонапарта), что с запада от Николаева появились французские разъезды, что на дороге Вильно-Минск французы.

Багратион оказался во вражеском кольце, и кольцо это быстро сжималось. На раздумье времени не оставалось: при неудаче переправы—гибель армии! При удачной переправе—впереди враг и болота!

Нарушая личный приказ императора, вызывая нарекания штаба и Барклая, Багратион, спасая людей, отдал приказ об отступлении в юго-восточном направлении на Мир-Новосвержен-Несвиж и далее на восток на Слуцк. Предстоял примерно 200-километровый перегон.

Начав отступление суворовского типа, Багратион по-суворовски вник в положение солдат на походе. 4 июля он издал по армии приказ: „Пройдя с места 5 верст—отдыхать час; отошед потом 10 верст—два часа; перешед 15 верст—три часа; винную и мясную порцию раздавать два раза в день“. Багратион лично следил за тем, как идет солдат, как он отдыхает, как он кашу варит и как он ест. Преступные проделки интендантов в Багратионовской армии были невозможны.

Вот почему не пустой похвальбой звучал, не честолюбием командира был вызван очередной рапорт Багратиона императору. Окончив переход, Багратион докладывал царю, что солдаты делали по 40 и более верст за день: „Одно непомерное желание людей драться поддерживало их силы. Удостойте, всемилостивейший, принять уверение, что быстроте маршей второй армии, во все время делаемых по самым песчаным дорогам и болотистым местам, с теми тягостями, которые на себе ныне имеют люди, удивился бы и великий Суворов“.

Багратион ушел от французов, вырвался из окружения. Наполеон гневно распекал своего брата за то, что тот упустил Багратиона и требовал от своих маршалов—либо заставить Багратиона итти в Могилев и там его окружить, либо отбросить его в Пинские болота. Александр I раздражен „самовольством" Багратиона; требует, чтобы тот срочно шел на север, на Вилейку или на Минск и опять обещал Багратиону через несколько дней решительное сражение с Наполеоном. Александр I позволил себе даже упрекать Багратиона за то, что тот медлит в виду численного превосходства французов. Багратион, полный сознания своей невиновности, спокойно и с достоинством отвечает, что он никогда не справлялся о числе врагов: „с твердым упованием на храбрость воинства Российского я никогда не помышлял о числе их".

Поражая неприятеля, Багратион отступал, Багратион уходил, а „платовские молодцы" бились в арьергарде с врагом „грудь на грудь", перестрелок часто не было, а прямо из засады донцы бросались на врага в дротики. И враг останавливался. А Багратион уходил.

Изнуренные на походе люди Багратиона пришли в Несвиж 8 июля. Багратион должен был дать им отдых. „Я весь окружен и куда продерусь — заранее сказать не могу", писал тогда Багратион. А Даву — в тот же день — 8 июля — занимал Минск.

Александр I опять несправедливо корит Багратиона за то, что тот не опередил Даву и позволил французам занять Минск. „Вот — Багратион, кажется! не Барклай, а что сделал!" В ответ на ссылку Багратиона на „великого Суворова" Александр I язвит, что он не ждал от Багратиона такого промаха, так как Багратион бывал „столь часто в походах с славным нашим полководцем князем Суворовым— Италийским".

Наполеон уже торжествовал победу над Багратионом. „Они у меня в руках", повторял он, узнав о занятии Минска армией Даву. И действительно положение Багра-

тиона было отчаянное. На узких тропах по болотам его армия с обозами растянулась километров на 40—50. С тыла и фланга вражеское кольцо; впереди—в болотистых берегах река Березина, а за ней вторая река — Днепр. Багратион, оставив в арьергарде Платова, пустив в авангарде Раевского — открывать путь оружием, мастерски развертывает переход „по дороге лесистой и болотистой“ и завершает переправу через Березину у Бобруйска 18 июля. До Березины доходили уже французские разъезды Пюжоля.

Багратион писал тогда Ермолову: „Насилу выпутался из ада! Дураки меня выпустили. Теперь иду к Могилеву; авось их в клещи поставлю“.

Когда к половине июля положение на фронтах разъяснилось и можно было думать, что русская армия мастерскими мерами Багратиона и Барклая будет спасена, Александр I обратился к народу с манифестом: надо было собирать и подтягивать резервы.

„Неприятель вступил в пределы наши и продолжает нести оружие свое внутрь России“, читаем в манифесте от 18 июля. „С лукавством в сердце и лестью на устах несет он вечные для нее цепи и оковы“. Манифест призывал народ русский, „храброе потомство храбрых славян“ к созданию народного ополчения. Сбор был объявлен в 17 русских губерниях. Московская губерния выставила в „Московскую военную силу“ до 32 тыс. ополченцев, Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская по 13—15 тысяч, губернии Новгородская, Тверская, Ярославская, Владимирская, Нижегородская по 10—11 тысяч, Казанская около 3000 ополченцев. В общей сложности народное ополчение давало еще около 150 тыс. человек. Народ и без призыва свыше собирал свои силы для борьбы с врагом, помогал регулярной армии, уходил в партизанские отряды. Никакой „воли“ от Наполеона народ не ждал и ждать не мог: на второй же день после переправы „непобедимой“ армии через Неман народ увидел ее подлинное лицо, лицо мародера, грабителя, насильника.

Народ взялся за вилы, косы, топоры, серпы, ножи, дубины и начал бить врага. Призыв в ополчение, конечно, поднял боевое настроение народа. Народ пошел на сборные пункты. „Лучше смерть, чем в рабстве жить!“ так думали все, вставая на защиту Родины. Но тяжело было крепостным крестьянам в царской России: так, дворовый человек Евтих Михеев пошел в Дорогобуж в ополчение, а попал к городничему и в тюрьму — „за побег“. Царская Россия оказывалась для крепостных не матерью, а мачехой. Но крепостные, не взирая ни на что, грудью защищали Родную землю.

А Багратион шел к Могилеву, не зная, что Могилев был занят авангардом Даву еще 20 июля. Багратион пытался прорваться через Могилев: „хотя не знаю достоверно, в каких силах неприятель в Могилеве“, но долго размышлять было нельзя.

На южных подступах к Могилеву при дер. Салтановке и Фатовой авангард под командой Раевского в количестве 15000 чел. вступил с неприятелем в бой. Позиция была невыгодна для русских: вдоль фронта в юго-восточном направлении протекал ручей в топких болотистых берегах. Даву, ожидая к себе всю армию Багратиона, приказал сломать плотины, мосты и гати на подступах к реке. Атака, таким образом, для русских была чрезвычайно осложнена. Густой лес мешал построению развернутых колонн: вражеская картечь и ядра вражеской артиллерии выбивали людей из коротких рядов одного за другим. На правом фланге был Днепр. Бойцы, хотя и были утомлены почти 30-дневными походами, но бились яростно.

Так велика была жажда борьбы со врагом, что „раненые сами возвращались в сражение, как на пир“. Особенно отличалась в бою русская артиллерия: „не могу довольно выхвалить храбрости и искусства артиллеристов—все были герои!“, писал ген. Раевский, начальник авангарда.

В критический момент боя сам Раевский стал во главе Смоленского полка и пошел с бойцами в атаку. На знамени

полка была почетная надпись: „За взятие французских знамен на горах альпийских".

В бою под Салтановкой был начисто уничтожен, „истреблен на прах" целый полк легкой кавалерии врага.

Враг „нашел смерть на штыках наших". И пока днем 23 июля шел этот бой, русские саперы на Днепре в Старом и Новом Быхове строили мосты для переправы, для дальнейшего отступления, для спасения армии. Ожесточенный бой под Салтановкой обеспечивал армии Багратиона путь на Смоленск. Переправа через Днепр совершилась в полном порядке, как будто на маневрах.

25 июля армия вышла на левый берег реки.

В тылу ее и на фланге попрежнему висела страшная угроза вчетверо сильнейшего врага. Но Багратионовы арьергардные бои терроризовали врага: пока Багратион уходил от Днепра по дороге на Пропойск—Смоленск, пока армия его, усталая и изнуренная почти месячными форсированными маршами, вступала в поднепровские леса и болота, Даву в Могилеве усиленно готовился к отражению возможных атак неуловимого Багратиона. Даву окапывался в Могилеве, возводил и укреплял батареи. Даву, располагая армией до 70 тыс. человек, отказался от преследования Багратиона.

Таковы последствия багратионовского отступления Суворовского типа! Мало того: Багратион с его армией вообще „исчез" для французов и Даву. И не в том дело, что Багратион скрылся в лесах и болотах. Леса и болота столько же помогали, сколько мешали Багратиону. Дело в том, что от Днепра армия Багратиона пошла двумя колоннами, по двум параллельным кривым: по одной кривой (Пропойск—Мстиславль—Смоленск) двигались основные силы с Багратионом во главе; закрывая их с левого фланга от ударов со стороны Могилева, двигались по направлению на Горки донские казаки Платова.

Казаки буквально наводнили окрестности Могилева—

Орши и, как грозные рои встревоженных пчел, кружились вокруг французов. Не только французский авангард, но даже французская разведка не могла проникнуть сквозь живой заслон „платовских молодцов“. Багратион действительно, как в воду канул. Даву просидел 5 дней в Могилеве, как в потемках и узнал о Багратионе только тогда, когда тот вышел к Смоленску.

Марш Багратионовской армии от Нового Быхова до Смоленска и поведение Даву напоминает в известной степени марш Кутузова из Москвы к Рязани и восьмидневные поиски Кутузова Мюратом.

Одновременно с Багратионом и также бесследно, бесшумно ушел из-под Витебска, буквально на глазах у Наполеона Барклай де-Толли: русская армия исчезла в песках, в лесах и в знойной июльской пыли.

Барклая от Поречья, Багратиона от Мстиславля враг уже не мог более тревожить. 29 июля Багратион писал Александру I из Мстиславля: „Я, наконец, достиг того пункта, на котором я не имею неприятелей в тылу и во флангах армии. Здесь я к ним грудью“.

Изнуренная походами армия Багратиона подходила к Смоленску, готовая к новым испытаниям и боям. Ни враг, ни леса, ни болота, ни быстрота маршей не смутили непоколебимой твердости“ русского солдата.

Багратион, сообщая Барклаю о своем марше на Смоленск, приглашал туда же и Барклая для объединения своих сил. С заслуженным торжеством он подчеркивал провал первого пункта наполеоновского плана: Наполеону не удалось разрезать русскую армию на части и по частям ее уничтожить. Заняв пустой Витебск 22 июля, Наполеон самоуверенно повторял: „Князь Багратион и Барклай де-Толли более не увидятся друг с другом“. Но оба полководца с двух сторон, победоносно подводили свои армии к Смоленску. Русская армия выходила из-под вражеского удара. Напряженность арьергардных боев обманывала много раз Наполеона: он думал, что русское командование

готово дать генеральное сражение, то есть выполнить заветные мечты самого Наполеона. Но русское командование твердо помнило суворовское правило: „не делай того, что желает враг!“ К 1 августа через Поречье и Рудню Барклай вышел с армией к Смоленску. 2 августа, опережая армию, в Смоленск прискакал взволнованный Багратион. А 3 августа, когда первая и вторая армии встретились в Смоленске, музыка и песни у веселых костров по берегам Днепра заставляли наблюдателя думать, что армии шли „не отступая, но торжествуя“.

Барклай де-Толли и Багратион в условиях невероятно трудных сделали все для того, чтобы спасти русскую армию от разгрома и уничтожения; сделали все для того, чтобы спасти Россию.

Армия первая прошла с боями свыше 530 *км*. Армия вторая—армия Багратиона—за 35 дней почти непрерывных „маршей“ сделала свыше 800 *км*. Обе армии фактом своего беспримерного в истории отступления совершили действительно самую блистательную военную операцию. Наполеон не только не смог уничтожить Багратиона: он не сумел даже узнать численность багратионовой армии.

„Для меня попрежнему загадка, четыре или шесть дивизий у Багратиона“, невольно признавался Наполеон в провале первого пункта своего стратегического плана. Наполеон говорил это 2 августа, когда наш герой был уже в Смоленске. Если бы Наполеон мог позволить себе роскошь искренности, он должен был признать, что первый этап „русской кампании“ окончился 3 августа 1812 г. большой победой русской армии.

Клаузевиц, адъютант ген. Фуля, умный и тонкий наблюдатель, анализируя в книге „Война 1812 года“ героическое отступление русской армии, заключает: „Желая извлечь поучение из истории, мы не должны считать невозможным, чтобы раз совершившееся не могло повториться и в будущем“.

Изверги рода человеческого Гитлер, Геббельс, Геринг,

Гудериан и Клейст, надо думать, читали эти строки умного немца.

ОТ СМОЛЕНСКА ДО БОРОДИНА

Около двух недель русская армия оставалась в Смоленске. Багратион и Барклай решали ее дальнейшие судьбы. Слишком различны были их таланты и дарования, чтобы они могли договориться и согласиться на едином плане действий. Дело было не в „измене" Барклая, в чем упрекал его Багратион; дело было не в том, что Барклай „немец", о чем также в запальчивости вспоминал Багратион. Неверно упрекать и Багратиона в стратегическом „невежестве". Багратион был мастером и тактики, и стратегии. Таковым был и Барклай. Барклай был шотландцем, Багратион — грузином. И оба были честными генералами русской армии. Но Багратион был верен себе: пламенный энтузиаст, горячий патриот России, на поле боя и в штабе он, подобно Ломоносову, бывал несдержанным на язык. Барклай же был осторожным, дипломатически выдержанным собеседником. Багратион решал тактические и стратегические вопросы, не оглядываясь на обывательские сплетни придворных сфер. Барклай, не имея опоры и поддержки при дворе, высоко ценя свое положение военного министра и главнокомандующего армией, старался не разрушать ни своего положения, ни своей карьеры. Барклаю было чрезвычайно трудно лавировать среди различных течений в штабе и императорской главной квартире. Брат царя, родственники царя — принцы и герцоги, генералы-карьеристы и интриганы типа Беннигсена крайне осложняли работу Барклая.

К тому же Барклай, как военный министр, мог считать Багратиона своим подчиненным, хотя Багратион был старше его по службе. Это последнее обстоятельство было деталью, но неприятной деталью во взаимоотношениях Барклая и Багратиона. Правда, Багратион проходил мимо нее: „Россия в опасности. Не время считаться старшинством", такова была позиция Багратиона.

6 августа в Смоленске состоялся военный совет. Совет решил выступить по линии Смоленск—Витебск на Рудню, как центр наполеоновских позиций. Основная задача диверсии определялась так: „необходимо нужно стараться неприятеля в его предприятиях *останавливать:* сие не может иначе совершиться, как только одними *наступательными* действиями". Задержка врага дает огромный *выигрыш времени:* в тылу собираются новые силы, собираются рекруты, ополченцы, продовольствие, деньги, заготовляется вооружение для армий. В случае неудачи операции—отступление продолжается по Московской дороге. А в случае удачи—война с врагом вообще может принять другой оборот.

Но в штабе Барклая были сильны всякие закулисные влияния и соображения. Подчиняясь им, Барклай изменил правильное решение военного совета и двинул войска не на запад от Смоленска, на Рудню, а на север, на Поречье в расчете на предупреждение удара по правому флангу. По этому поводу Багратион долго спорил с Барклаем, доказывая, что правому флангу русской армии не грозит такой опасности, как левому: Наполеона, надо ждать не с севера, а с юго-запада от Красного. Удачный для французов удар по левому русскому флангу может отрезать русскую армию от южных хлебных губерний, от третьей (украинской) армии Тормосова, от заводов Брянского и Шостенского, от конских резервов Украины. Багратион правильно разгадывал стратегические расчеты Наполеона. Наполеон решил наступать на Смоленск, не от Поречья, а с юго-запада, от Красного. Вот почему в расчете на удар во фланг и с тыла Багратион требовал марша на Рудню.

Платов, не зная о движении на Поречье, продолжал итти на Рудню и бил передовые французские части.

„Неприятель пардона не просил, а российские войска, быв разьярены, кололи и били его".

В бесплодных спорах, пререканиях и даже ссорах про-

ходили дорогие для русской армии дни. Все было ясно в стратегическом плане Барклая и Багратиона до момента их встречи в Смоленске. План был обоими блестяще выполнен. В Смоленске возник новый вопрос: что делать дальше? Медлительность Барклая де-Толли, его нерешительность, его попытки примирить непримиримое выводили Багратиона из равновесия. Со времени первой попытки диверсии на Рудню прошло 5 дней, а 14 августа Наполеон уже руководил сражением под Красным (*км* 50 от Смоленска). Случилось то, о чем говорил Багратион, и к чему штаб не успел приготовиться.

Под Красным маршалы Ней и Мюрат обрушили силу 20-тысячного войска на дивизию Неверовского. Бойцы отряда бились на смерть. Казалось, разбитые—они отступали. Но опять и опять оборачивались и поливали свинцом вражеские ряды. Штыком отбрасывали врага. 15 августа Ней с боем ворвался в Красное. К вечеру того же дня герои—бойцы отходили к Смоленску.

Неверовский отступал, имея только пехотные части. Его преследовала кавалерия Мюрата. Первоклассная французская конница, руководимая мастером—специалистом кавалерийского боя, была бессильна разбить ряды русских пехотинцев. Неверовский построил остатки своей дивизии в одну колонну. „Ребята! Держись друг за друга! От колонны не отбивайся. При атаке стреляй по команде! Стрелять не торопись. Стреляй метко! Враг уступит! Мы пройдем!“

Выстроив колонну на почтовом тракте из Красного на Смоленск, Неверовский стал во главе ее и двинулся в путь. Колонна, ощетинившись штыками, пошла... Предстоял 50-километровый переход. Французские кавалеристы, как мухи в жаркий летний день, кружили вокруг почтового тракта, то и дело возобновляя свои атаки. Придорожные канавы и березы затрудняли атаки. Но кавалерия все-таки налетала и пыталась расстроить русские ряды. Напрасно! Как только начиналась атака, колонна останав-

ливалась и быстро готовилась к бою. Неверовский подпускал врага совсем близко к дороге, а потом подавал команду. Густая дробь боевого огня попадала в гущу конницы. Конница, не ожидая такого удара, откатывалась, оставляя на поле сотни трупов лошадей и всадников. Ни одна попытка обрушить удар на угол колонны не удалась. Колонна стояла, как гранит, а по окончании атаки двигалась дальше. Французские офицеры увлекали своих солдат на рукопашный бой. Напрасно! Враг погибал на наших штыках, а колонна оставалась непоколебимой. Неверовский и его бойцы отступали по-суворовски, каждую пядь родной земли устилая вражескими трупами. Француз Сегюр писал, что „Неверовский отступал, как лев". Багратион, донося о бое императору, отметил: „можно даже сказать, что примера такой храбрости ни в какой армии показать нельзя".

Неверовский вывел свою дивизию к Смоленску.

А перед Смоленском уже к утру 15 августа выросла живая стена героев—бойцов в 15000 человек. За ней—старый русский город, многое видавший на своем долгом веку—Смоленск. Кого только ни били в старину смоленские пушкари? Кто только ни пытался взобраться на смоленские стены? От варяжских разбойников IX в. до гитлеровских бандитов XX в.! К 1812 г. город утратил значение крепости; обветшавшая от времени, поросшая мохом стена тянулась на 5 *км* в окружности, в стене зияли проломы; вокруг стены пролегал ров, в котором уже не было воды. Над стеной возвышались 17 старых крепостных башен и „королевский бастион" еще времен Сигизмунда III. Не ошибка ли, что Смоленск не был превращен в свое время в крепость? Нет. Топография Смоленска такова, что с правого берега реки „ясно просматривается весь город и все линии укреплений, спускающиеся к реке" (Клаузевиц). Защищать Смоленск можно было только живой силой; затраты на технику не были бы оправданы; гарнизон был бы обречен на гибель.

15 августа Наполеон был на подступах к Смоленску. 16 августа, когда начались первые атаки, лагерь Наполеона раскинулся в $2^1/_2$ *км* от города; после полудня к городу подъехал сам Наполеон. Барклай и Багратион решили, что армия Барклая останется „удерживать" Смоленск, а Багратион займет Московскую дорогу на Дорогобуж и будет отражать врага, если бы тот попытался обойти Смоленск с тыла.

В 2 часа дня 17 августа Наполеон узнал об отступлении армии Багратиона. Среди бела дня по правому берегу Днепра двигалась героическая армия Багратиона. Наполеон был на левом берегу: он прискакал на реку, к Шеину острову и приказал отрезать путь отступления, кавалерии и пехоте перейти реку немедля. Начали искать броды. Бродов не нашли: брод был примерно в 4 *км* от города выше по реке, но среди смольнян не было предателей. Не найдя броду, Наполеон решил не соваться в воду: многие французские солдаты погибли в реке и не могли выплыть на противоположный берег. Армия Багратиона продолжала свой поход на Дорогобуж. Наполеон жадно следил за ней в подзорную трубу. Перед ним открывалась вся неисходимая Русская даль...

На этот раз под Смоленском не брат императора, малоспособный Жером, а сам император, сам Наполеон „упустил" Багратиона, как он же—Наполеон упустил Барклая под Витебском.

Взбешенный неудачей, Наполеон вернулся в штаб и приказал немедленно начать штурм Смоленска.

В 4-м часу пополудни 17 августа на южные Молоховские ворота обрушились огромные силы врага. Наконец-то Наполеон получил возможность отомстить этим „скифам"—русским! Части Коновницына и Дохтурова приняли на себя тяжкие удары. Багратион, взволнованный за судьбу Смоленска, лишенный возможности участвовать в его обороне по пути в Дорогобуж, написал Барклаю письмо, убеждая „не отступать от Смоленска".

В тот же день 17 августа Александр I решил вопрос о верховном главнокомандующем армии: уступая общественному мнению, он согласился поручить армию и Россию 67-летнему бойцу-герою Михаилу Илларионовичу Кутузову, которого лично Александр I не только не любил, а просто не терпел.

В ночь на 18 августа русские оставили Смоленск. Наполеон его занял, но не взял. От Смоленска до Москвы по собственному признанию Наполеона, французы повсюду встречали „один только пепел". Русский народ уничтожал все, что могло помочь врагу или усилить его армию.

Русский народ, подобно белоруссам, уходил в партизаны, бежал в леса. Вместе с отступающей армией двигались по дорогам, по обочинам дорог, по полям и лугам обозы крестьянских телег, помещичьи экипажи. Своеобразный народный табор „железным потоком" двигался в тыл. Шли русские люди, не желавшие сдаваться на милость „победителя". Там и здесь рядом с воинскими знаменами мелькали церковные хоругви, мелькали золоченые ризы священников, виднелись церковные кресты и иконы.

18 августа в опустевший полуразрушенный Смоленск вступали части маршала Нея. „Ключ к Москве взят", заметил по этому поводу Кутузов. 18 августа в Смоленск приехал Наполеон. Пленным он „предложил" перейти к нему на службу; за отказ—расстрел. Так был расстрелян начальник Смоленского ополчения Энгельгардт. Жители смольняне, захватив пожитки и скот, бежали в подгородные леса. Крестьяне жгли хлеб в скирдах и на корню. Собирались в боевые отряды и дружины. Били по обозам, по коммуникациям и живой силе врага—мародерам и грабителям. Как и в Испании, взрывы народной национально-освободительной войны в России сильно тревожили Наполеона. „Нам предстояла новая Испания, писал он позже находясь уже в изгнании, но Испания без границ, без городов, без ресурсов".

Багратион в отчаянии по поводу оставления Смоленска. „Понапрасну бросили!“ „Наполеон был в таком мешке, как никогда!“—„Я удерживал с 15 тысячами более 35 часов и бил их, а он (т. е. Барклай) не хотел остаться и 14 часов. Стыдно! Пятно на нашу армию!“

„Надо драться, пока Россия может и пока люди на ногах“. Коновницын и Толль под Смоленском, Барклай при Валутиной горе, Багратион при дер. Синявине вели ожесточенные арьергардные бои с наседавшим врагом.

Но Багратион при отходе от Смоленска оказался в обстановке для него, героя-бойца, совершенно неожиданной и страшной. Мало того, что отступление первой армии совершалось не в должном порядке; мало того, что ее тыловые учреждения—транспорты, обозы, санитарная служба забили дорогу. Мало того, что Багратион должен был пробивать среди них путь для своей армии. Багратион лично оказался среди беспорядочной массы нестроевого люда, среди массы гражданского населения, беженцев, женщин, стариков и детей с их жалким скарбом и остатками скота. Армия утрачивала обычную подвижность и гибкость. Багратион, который жаждал боя, настоящего боя до последнего вздоха и уничтожения врага, оказался в железном потоке безликой людской массы. Не получая в течение двух суток никаких известий от уехавшего вперед штаба первой армии, не понимая, что значит это поспешное беспорядочное отступление, Багратион посылает одно за другим два письма начальнику штаба Ермолову: „Зачем вы бежите и куда? За что вы мной пренебрегаете? Право не до шуток“. Багратион негодовал не столько на отступление, сколько на неорганизованное отступление первой армии, слишком поспешное, грозившее перейти в бегство. Когда Багратион запрашивал штаб: „Куда вы бежите“? это не было увлечением несдержанного человека. Багратион прекрасно отметил факт неблагоприятного для дела перелома в настроении штаба. Багратион верно учи-

тывал, что на марше от Смоленска до Гжатска решалась судьба Москвы.

Вот почему Багратион пишет Ермолову такие взволнованные письма. Вот почему так решительно он требует остановить, задержать лавину французов, а для того развернуть смертельные для врага арьергардные бои, задерживать, выматывать, уничтожать врага контрударами. Он требует усилить арьергард. Для этого он предлагает свою армию и себя. Он готов задержать французов на любой позиции. „Здесь повалена бездна обозов и всякой сволочи, а места тут открытые—все видно. Казаки у меня в Ельне и на дороге в Рославль. Воля Ваша,—писал Багратион Ермолову,—отсюда ни шагу. Если Вы прочь, то я вам оставляю армию и поеду к государю“ — горячился Багратион, настаивая на своем плане. Может быть, Багратион мечтал о превращении арьергардного боя в генеральный? Возможно. Но что знал и что мог знать придворный Петербург о планах и предположениях не только „экспансивного“ Багратиона, но и сдержанного стратега-дипломата Барклая? До Петербурга долетали только обрывки их слов и мыслей. В Петербурге многие считали грузина Багратиона несдержанным честолюбцем—и только! А шотландца Барклая—„немцем-изменником“.

20 августа был обнародован приказ о назначении главнокомандующим всех сил русской армии Кутузова, ведавшего тогда сбором петербургского и московского ополчения. Народ и армия с восторгом приветствовали назначение героя-бойца, испытанного еще в суворовских боях.

Кутузов готовился к отъезду в армию. А Наполеон, сидя в Смоленске, доказывал своим маршалам, что русские будут искать мира еще осенью. „Мир будет искать нас на зимних квартирах. Если нет, мы пойдем за ним в Москву“, самонадеянно вещал Наполеон.

Париж и Франция с тревогой следили за внешне-блестящими успехами Наполеона. Морской министр Франции Декрэ взволнованно повторял: „Неужели вы думаете, что

веревка, натянутая так туго, может выдержать долго? Нет,—говорю вам,—это человек погибший". „Движение императора к Москве безумство", так говорили парижане, услышав, что Наполеон в Смоленске, а русская армия отступает. Парижане знали, что Наполеон хотел разрезать русскую армию на части и по частям ее истребить, но русская армия ушла из рук императора. Наполеон хотел занять Смоленск с тыла: не удалось! Помешал Багратион. Понятна тревога парижан. Армия агрессора должна двигаться вперед. Иначе катастрофа и смерть. Наполеон действительно решился на безумный шаг. Походом на Москву он рассчитывал добиться генерального боя, занятием Москвы он думал закончить кампанию. Московские ресурсы в руках французов и разложение многонациональной крепостнической России изнутри должны были, по Наполеону, быстро завершить войну на востоке. История внесла в эти расчеты агрессора некоторые существенные поправки.

Уступая требованиям Багратиона и армии, Барклай де-Толли соглашался дать бой французам под Дорогобужем. 21 августа он осматривает возможные позиции на р. Уже и предлагает князю Багратиону стать со своей армией на левом фланге. С утра 22 августа Барклай и Багратион вместе осматривали позиции. Багратиону она показалась совсем ненадежной. Но надо задержать французов во что бы то ни стало. А потому Багратион не возражает дать бой французам и на этой позиции: на р. Уже у дер. Усвятье. Барклай, конечно, понимал, что бой необходим, и самое большее, на что он отваживался, был арьергардный бой, а не генеральное решающее сражение. Багратион, конечно, мечтал о переходе от обороны к нападению. Барклаю приходилось лавировать. В письме Ростопчину в Москву, желая успокоить столицу, он пишет (утром): „Мы с князем Багратионом избрали позицию у дер. Усвятье. Мы в необходимости возлагать надежду на генеральное сражение". А позже (в полдень) в тот же день в донесении

государю: „Я буду вместе с князем Багратионом стараться избегать генерального сражения“. Понятно, почему Багратион был вне себя по поводу подобных „позиций“ Барклая. Именно в такие минуты он писал о Барклае, что тот „не имеет вожделенного рассудка или—лисица“. Именно в такие минуты Багратион кричал на военного министра Барклая: „Немец ты! Тебе все русское нипочем!“

А министр, намекая на грузинское происхождение Багратиона, язвил: „А ты—дурак! И сам не знаешь, почему себя называешь коренным русским!“

Багратион по праву считал себя коренным русским и подлинным патриотом России. Багратион терял тогда самообладание и ругал Барклая, как „изменника“, члена тайного масонского общества „иллюминатуса“ и т. д. „Наступайте, ради бога, за что вы срамите Россию и армию. Ох, жаль, больно жаль Россию“, писал Багратион еще в июле. „Русские не побегут. А неприятель дрянь. Ударь покрепче—разбегутся“.

„Мой маневр—искать и бить по-суворовски“, писал Багратион Ермолову. Что было делать Багратиону, когда вечером 23 августа Барклай опять отказался от боя. В Усвятье он оставил только донских казаков Платова, заслон явно недостаточный. Ни пехоты, ни артиллерии в арьергарде попрежнему не было. Платов, конечно, не мог сдержать напора огромных сил врага. Враг пытался охватить арьергард с флангов. Арьергард с боями отступал.

Однако уже 24 августа после непрерывных боев с неприятелем на подступах к Дорогобужу Платов доносил:

„Неприятель город занял, но аванпосты мои в виду неприятеля позади города. Бои продолжаются“.

Багратион недоволен оставлением Дорогобужа без боя. Барклай попрежнему нерешителен и скрытен. Ничего не говорит Багратиону о своих планах. Но Багратион не теряет уверенности в русском солдате. „Скажу в утешение... воины русские, горя истинной любовью к своему отече-

ству, готовы всякий час к отмщению неприятеля за его дерзость. И я ручаюсь, что они не посрамят себя".

Мы долго молча отступали.
Досадно было—боя ждали.

(Лермонтов)

Таково было тогда настроение солдат.

Тем временем к Можайску подтягивалось московское ополчение, „московская военная сила". Ополченцев вел Милорадович, „Миша", как называл его Суворов. Всегда веселый, приветливый, радушный, нечестолюбивый. „Тот изменник, кто свой интерес поставит выше интереса Родины"—говорил генерал Милорадович, один из любимых учеников и друзей Суворова и Кутузова. Милорадович, серб по происхождению, любил Россию-мать простой, но крепкой сыновней любовью.

Барклай согласился с Багратионом, что под Вязьмой корпусом в 20—25 тыс. надо „удержать превосходного неприятеля, после чего возможно будет перейти в наступление". Багратион в восторге. Но не верит в прочность решений главнокомандующего. И действительно, арьергард Платова попрежнему не получил никаких резервов, ни пехоты, на артиллерии. Попрежнему три арьергардных заслона действовали каждый сам по себе. Никаких новых инструкций арьергарду Барклай не дал, а армиям приказал отступать от Вязьмы. Барклай ссылался на необходимость отдыха для армии, необходимость вывоза вяземских складов и спасения обозов беженцев.

Узнав о новом приказе Барклая, Багратион стал неузнаваем: затих, помрачнел. Отыскал главнокомандующего и необычно тихо, с глубокой скорбью в голосе сказал: „Я был согласен на все—на Смоленск, на Дорогобуж,—но я не могу утаить от Вас, что Дорогобуж уже всех взволновал. Нас винят единогласно. Когда же узнают, что мы приближаемся к Вязьме, вся Москва поднимется про-

тив нас. Единственная наша цель—поймите это—спасти государство. Спасти Москву".

Численное превосходство врага, убеждал Багратион Барклая, не решает дела; не решает боя и позиция—хорошая или плохая. Надо собрать „все наши способы", всю нашу живую силу и остановить врага. А врага тем смелее можем мы бить, что „мы ему гораздо превосходнее духом и единодушием". Однако, как дисциплинированный солдат, Багратион подчинялся дисциплине и отдал приказ по второй армии о порядке отступления от Вязьмы: вечером уходили все обозы, в 11 час. вечера восьмой корпус, в полночь седьмой корпус, в час ночи сводный корпус (27 дивизия и егерские полки). Четвертый кавалерийский корпус ждет подхода арьергарда и по прибытии его также отступает. „Мы завтра в Вязьме. Неприятель за нами—один марш! Я вас уверяю,—писал Багратион вечером в Москву,—приведет Вам Барклай армию в Москву через шесть дней". Багратион настаивал на усилении арьергарда и на развертывании арьергардных боев Суворовского типа. А между тем, армия отступала, имея почти совсем обнаженный тыл. Казачьи части Платова в особенности в местности закрытой и пересеченной, были явно недостаточны; 32 орудия, какими располагал Платов, быстро расстреляли все свои снаряды. „Участь арьергарда на волоске"—доносил Платов. „Держаться нет никаких сил"—доносил он вторично ночью, но все-таки держался. Дрался, как он сам говорил, „скрутя голову". А на утро получил от Барклая выговор за невыполнение инструкций (каких?) и отстранение от командования арьергардом. Багратион негодовал. Платова выговор Барклая сразил чуть не до смерти.

Но отстранение Платова означало лишь новую своеобразную „уступку" Барклая Багратиону. С утра 28 августа начальником арьергарда был назначен командир 3-й пехотной дивизии генерал-майор Коновницын: ему были подчинены все три арьергардных колонны; кавалерийские

части были усилены пехотой и артиллерией и арьергарду был дан приказ—бить неприятеля на каждом шагу! Не уступать ему ни пяди русской земли, сражаться до последнего солдата.

На пути от Вязьмы Коновницын дрался буквально за каждый ручей, за каждый метр дороги. Дрался так, как этого требовал Багратион.

Еще по дороге в Вязьму Барклай решил отойти за Вязьму к сел. Федоровскому, „где изрядная позиция". „По всему я примечаю, что он хочет бежать", писал Багратион о Барклае. Когда же Багратион 28 августа сам осмотрел позицию у сел. Федоровского, то решил от нее отказаться. Письменным рапортом доносил об этом он Барклаю: „Позиция здесь никуда не годится, еще хуже, что нет воды. Жаль людей и лошадей. Жаль, что нас завели сюда, а неприятель приблизился. Лучше бы вчера подумать и прямо в Гжатск, нежели быть без воды и без позиции. Люди ропщут, что ни пить, ни варить каши не могут. Мне кажется, что не мешкая дальше итти, арьергард усилить и уже дальше ни шагу". Багратион предлагал итти к Гжатску, где на реке „позиции хорошие должны быть". Туда же прибудет и новый главнокомандующий Кутузов. С Кутузовым Багратион ждал встречи нетерпеливо, напряженно. Кутузову он верил, как Суворову.

„Вот мое мнение. А впрочем, как вам угодно"—закончил он свой рапорт по начальству. Резолюцию Барклая Багратион предвидел: „В 4 часа утра 29 августа отступать к Цареву Займищу", т. е. на Гжатск.

Под Царевым Займищем ополченцы и саперные части воздвигали полевые укрепления: окопы, валы, бастионы. Армия строилась в боевом порядке. В тылу — под Можайском, Рузой и Вереей, закреплялась „московская военная сила". Коновницын получил новый приказ „удерживать неприятеля на каждом дефиле". Под командой Коновницына — 3 пехотных дивизии и 2 кавалерийских корпуса. Казалось, все было готово к бою и позиция

выгодна, место открытое, все движения неприятеля, как на ладони. В руках русской армии ряд холмов и возвышенностей. В тылу, в 12 верстах, на случай отступления подготовленная позиция, у Гжатска. Правда, в тылу русской армии — речка с болотистыми берегами. Но не в речке было дело.

Когда 29 августа в пасмурный осенний день, подъезжал к Цареву Займищу 67-летний старик Кутузов, он уже знал, что надо делать. Кутузов и не взглянул на позицию.

„Усилить арьергард. Армии отступать налегке к Гжатску“. Таков был первый кутузовский приказ. Враг наседал, шел буквально на плечах у русской армии. Надо было уводить армию из-под удара. Багратион усилил арьергард 15 эскадронами и дал приказ об отступлении.

Багратион, в свое время мечтавший о диверсии на Варшаву, особенно энергично поддерживал идею развертывания в тылу неприятеля партизанских отрядов.

Подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Давыдов, бывший адъютант Багратиона, просил разрешения у Багратиона взять под свою команду такой партизанский отряд. Давыдов обещал Багратиону: „отважность в залетах, решительность в крутых случаях и неусыпность на привалах и ночлегах“. Багратион по указаниям Кутузова разрешил Давыдову взять 50 гусар и 150 казаков. „Я бы тебе дал три тысячи: не люблю такие дела ощупью делать. Но об этом нечего и говорить: фельдмаршал сам назначил силу партии. Надо повиноваться!“

Багратион действительно докладывал о деле Давыдова Кутузову и получил от него специальные указания. Давыдов быстро проник в тыл врага и бил его повсюду. В деревнях Давыдов учил народ боевым операциям, раздавал крестьянам оружие, отнятое у врага, организовал из молодежи отряды связистов и разведчиков. Сам Давыдов был всегда „на марше“. „Лучшая позиция для партий (партизанских) есть непрерывное движение“. Багратион

внимательно и заботливо следил за успехами Давыдова и всячески помогал партизанам.

А русская армия продолжала отступать; конница Мюрата шла по пятам русской армии и однажды едва не отрезала егерские полки. Только неустрашимость и особое мужество русских солдат спасли людей. Никифор Пономарев, Онуфрий Тимошенко и Никита Яковлев остались последними в арьергарде. Они увлекли за собою бойцов, зажгли мост через реку, опустили плотину, наводнили реку и затопили берега. Они зажгли деревню, через которую пытались двинуться французы вслед за русскими егерями. Французы были остановлены. Егеря спасены. С 7 час. утра 1 сентября французская кавалерия, пехота и самого большого калибра артиллерия обрушились на арьергард Коновницына. Люди погибали. Их место занимали их товарищи. Без отдыха, без пищи люди прошли с ожесточенными боями за 13 час. 17 километров, задерживаясь для встречных контратак на 8 позициях.

К вечеру на части Коновницына, уставшие и обессиленные, навалилась лавина из 40 эскадронов первоклассной французской кавалерии „под протекцией 2 батарей". Все поле взлетало в комьях вверх. Русский солдат стоял непоколебимо. Наступление французской армии было задержано. Задание Кутузова выполнено. Главные силы русской армии уходили, отрываясь от наседавшего на них неприятеля. Особенно трудны были арьергардные бои под Гжатском: лес, город, мост через р. Гжать вынуждали русских двигаться узкой лентой. Надо было проявить необыкновенное геройство, чтобы, пропустив своих, под носом у неприятеля зажечь мост и задержать французов. Солдаты Гавриил Иванов, Юган Виллем, Наум Мартынов, Гавриил Кондратьев „с отменной быстротой и особым мужеством" мост зажгли, „через что и остановили неприятеля".

2 сентября главные силы русской армии отходили от деревни Дурыкина на Бородинское поле, к Колоцкому

монастырю. По приказу Багратиона по дороге развернулся бой за деревню Колесниково, обладание которой задерживало продвижение неприятеля. На следующий день 3 сентября армия продвинулась километров на 12 дальше и, подойдя к Бородину, начала занимать боевые позиции.

Арьергард бился что было сил. На подступах к Бородину Коновницын за 10 час. боя отдал 9 километров пути и для встречных контратак останавливался на 5 позициях. С оправданной и заслуженной гордостью Багратион доносил об этом Кутузову, своему учителю и старшему другу.

Славная багратионовская тактика арьергардных боев терроризовала французов. Коновницын 4 сентября доносил: „Касательно неприятеля приметно уже несколько дней, что он стал чрезвычайно осторожен и когда двигается вперед, то это, так сказать, ощупью“.

Один казачий полковник с двумя сотнями казаков заставил однажды всю конницу Даву и Жерома, брата Наполеона „несколько часов стоять на лошадях неподвижно“.

Но было уже поздно. Сам Коновницын следовал почти по пятам за главной армией и 5 сентября на Бородинском поле присоединился к ней. Французы, подгоняемые Наполеоном, бешено рвались вперед. Сибирский драгунский полк был окружен ими со всех сторон. В упорных боях полк проложил себе дорогу к Бородину и присоединился к своим. В 6 час. утра 5 сентября развернулся последний арьергардный бой за Шевардинский редут. Редут был взят. В 11-м часу ночи по приказу Кутузова Багратион отступил. Генеральный бой был неизбежен.

БОРОДИНО

Еще 4 сентября Кутузов, осмотрев Бородинское поле, доносил императору: „Позиция, в которой я остановился при деревне Бородино, в 12 верстах впереди Можайска, одна из наилучших, какую только на плоских местах най-

ти можно". Слабым местом этой позиции был левый фланг.

Кутузов писал, что это слабое место („постараюсь я исправить посредством искусства". Левый фланг был

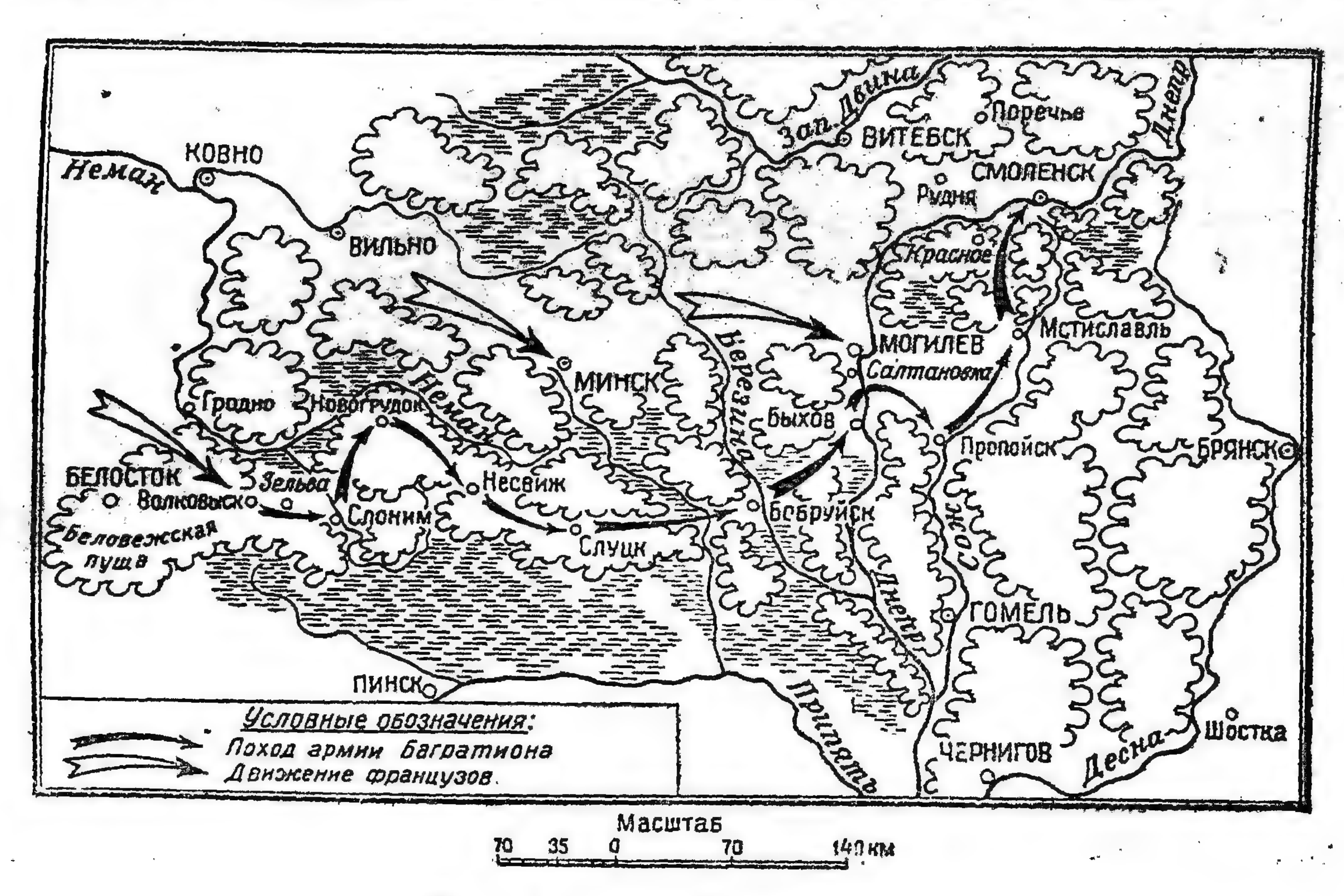

Рис. 2. Поход Багратиона

действительно укреплен, насколько возможно. Но слабость позиции не ускользнула от Наполеона, и именно на левый фланг и левое крыло центра, где стоял Багратион, и обрушились самые злые атаки французов. Бородино располагалось на берегах р. Колочи, неподалеку от пересечения ее с новой Смоленской дорогой из Гжатска в Можайск.

Русский фронт расположился по кривой с флангами, загнутыми несколько назад от деревни Успенское на севере до деревни Утица на юге. Смоленская дорога пересекала русские позиции; р. Колоча огибала их с севера. Вражеский фронт в расчете на охват русских флангов,

расположился вогнутой линией от Ельни до Беззубова. Река и дорога пересекали французские позиции.

К югу от Бородина по правому берегу пересохшего от летней жары ручья Семеновского на центральной высоте был сооружен люнет на 18 орудий: это была „батарея Раевского". К югу от нее на высоте, что располагалась впереди деревни Семеновской, были насыпаны три флеши, знаменитые „Багратионовы флеши", на которые Наполеон и обрушил свой основной удар.

Багратионовы флеши прикрывали слабейшие пункты позиции. Они же обороняли цепь стрелков в овраге перед фронтом и стрелков в кустарнике, который тянулся по направлению к деревне Утице. „Левое крыло было самым слабым по численности войск. Но им командовал Багратион. Кутузов знал, что это удваивает силу левого фланга" (Е. В. Тарле).

Дальше не юго-запад по левому берегу ручья Семеновского на кургане у деревни Шевардино был возведен пятиугольный редут на 12 орудий.

Но все укрепления—люнеты, флеши и редуты строились почти в виду неприятеля. Строили их малоопытные в саперном деле ратники ополчения; инструмента не хватало. К позиции подходила русская армия. На нее наседали французы. Укрепления не были доведены до конца. Приходилось рассчитывать не столько на них, сколько на живую силу армии и героизм бойцов. Правда, русская артиллерия и по числу орудий и по калибрам их превосходила французскую. Батарею Раевского и позиции до багратионовых флешей занял 7-й пехотный и 3-й кавалерийский корпуса. На багратионовых флешах укрепилась сводная гренадерская дивизия Воронцова.

Дальше к югу от Ельни на деревню Утицу и Можайск через равнину, поросшую кустарником и окруженную лесом, пролегала „старая Смоленская дорога". Лес охватывал тыл нашего левого фланга. Левый фланг оставался обнаженным. Багратион не сомневался в том, что удар

Наполеона будет направлен прежде всего именно сюда, на левый фланг. Багратион просил Кутузова о перегруппировке войск, но времени для того уже не оставалось. Французы подходили к полю боя. Наполеон осматривал позиции и, конечно, остановился на том плане, который был разгадан Багратионом. Удар по левому флангу был неизбежен не только потому, что этот фланг был слабейшим, но также и потому, что Наполеон рассчитывал вбить клин между русской армией и Москвой, во-первых, и между русской армией и южными губерниями, во-вторых. Наполеон рассчитывал отбросить русскую армию на север от Можайска, к Истре и Клину. Слабость левого фланга соперничала, таким образом, с его важностью. Именно левый багратионовский фланг и стал стратегическим ключом позиции. По близости от тыла русской позиции протекала р. Москва в обрывистых берегах, трудно доступных для переброски орудий и обозов.

Бородинское поле было ненадежной позицией для генерального боя. Но лучшей искать было негде и некогда. По дороге от Немана до Бородина Наполеон растерял и оставил для обеспечения тыла до $^3/_4$ своей армии. К Бородину он вывел не более 100 тысяч. Прибывали пополнения. Но ресурсы живой силы агрессора явно иссякали. По словам пленных, к неприятелю прибывают пятые батальоны французских полков. „Сии войска последние, которых они ожидали". А между тем, тыл русской армии укреплялся. Ряды ополченцев прибывали на Бородинское поле и становились в резерве полевой армии: московское ополчение стало на левом фланге против Шевардина, подкрепляя позиции Тучкова; с московской дружиной стоял поэт Жуковский — „певец во стане русских воинов", смоленское ополчение было на правом крыле центра против Бородина позади частей Остермана.

В ближайшем тылу под Можайском ополчения держали заслон по линии Руза—Можайск—Верея. Тыл французской армии полыхал пожаром партизанской войны. Силы вели-

кой отечественной войны явно возрастали. Силы войны захватнической явно иссякали.

6 сентября, готовясь к бою, солдаты, не разводя огней, вкапывались в землю, используя для того все овраги и естественные укрытия. Саперы и ратники спешно заканчивали постройку укреплений.

Наполеон писал приказ:

„Воины! Вот сражение, которого вы так желали. Победа зависит от вас. Она доставит вам все нужное: удобные квартиры и скорое возвращение в отечество... Пусть позднейшее потомство с гордостью вспомнит о ваших подвигах в сей день. Пусть скажут о каждом из вас: он был в великой битве под Москвой".

Кутузов тогда же давал свои последние указания—наставления командирам. Он просил беречь людей, беречь резервы. „Тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден". Он настойчиво и решительно требовал действовать огнем умело и во-время; усилить силу штыкового удара и рукопашного боя. „В атаке стрельбой отнюдь не заниматься, но действовать холодным оружием". Кутузов все надежды на успех предстоящего боя связывал с опытностью командиров, неустрашимостью и презрением к смерти солдат. Солдаты, готовясь к смерти, прощались друг с другом и одевали чистые рубахи.

Ночь на 7 сентября прошла спокойно.

Только перед рассветом где-то случайно грянул одинокий выстрел, и опять все затихло. Наполеон поскакал к Шевардинскому редуту. Кутузов медленно выехал на линию и остановился в Горках, неподалеку от Бородина. Наполеон стал на расстоянии $1^{1}/_{2}$ *км* от нашей линии, справа от него были багратионовы флеши, слева батарея Раевского. Вокруг него и за ним стояла в полной парадной форме старая гвардия.

Наполеон нетерпеливо ожидал, когда же наконец наступит долгожданный момент, и батарея Сорбье подаст сигнал.

Шесть часов утра. И утреннюю мглу золотистого сентябрьского утра вдруг прорезал глухой одинокий выстрел. То был французский сигнал к началу Бородинского боя. 102 орудия внезапным залпом ударили по багратионовым флешам.

Бородинский бой по плану Наполеона должен был развернуться так: 1) удар на Бородино, на правый фланг русских позиций имел целью связать силы бывшей первой армии и исключить возможность переброски подкреплений на левое крыло и в центр;

2) основные операции должны были развернуться на левом фланге, т. е. там, где стояла бывшая вторая армия Багратиона. Наполеон рассчитывал разбить и взять багратионовы флеши, а после того всей силой своих войск обрушиться на левое крыло, опрокинуть его, смять, обойти с фланга и, зайдя в тыл, уничтожить;

3) прорывом центра и уничтожением всей русской армии по частям должен был закончиться бой.

Удар по левому флангу был назначен не столько потому, что он был слабейшим, сколько потому, что левый фланг был стратегическим ключом позиции. На Бородинском поле Наполеон имел в виду в грандиозных масштабах повторить план, нереализованный под Красным: отрезать западную армию от южных армий и от южных хлебных губерний. Вот почему против багратионовых флешей Наполеон двинул разом все части Мюрата, Даву, Нея, Жюно.

Вот почему с такой яростью били сперва 102, потом 130—150 и наконец, 400 вражеских орудий по маленькому участку левого крыла русских позиций. Вот почему так упорно стояли русские бойцы-герои на багратионовых флешах. Вот почему Кутузов не переставал, вопреки расчетам Наполеона, подкреплять левый фланг и пехотой, и кавалерией, и артиллерией.

После первого же залпа вражеские орудия были выдвинуты еще ближе к флешам. Между ними и французскими батареями оставалось немногим более одного километ-

ра. Артиллерийская подготовка продолжалась, и вскоре Даву бросил в атаку 2 дивизии. Часть атакующих обходила флеши с левого фланга, шла через лес и по опушке леса. Огонь русских егерей, засевших в овраге, и картечь багратионовых батарей несколько раз отбивали атаки врага. Тогда Даву лично повел в атаку свой первый корпус и всей своей силой обрушился на левую флешь. Численное превосходство врага было так велико, что он овладел на время флешью. Багратион бросил тогда на помощь бойцам-гренадерам несколько батальонов испытанной в боях дивизии Неверовского. Удар был настолько силен, что французы дрогнули и обратились в бегство. Даву был контужен; он упал с лошади и замертво вынесен с поля. Русские драгуны и гусары преследовали врага, врубились в массу отступавших пехотинцев, отняли 12 орудий.

Наполеону доложили о поражении маршала Даву, сообщили даже, что он мертв. Однако, Даву быстро оправился и вернулся на поле боя. А Наполеон приказал двинуть в бой 3-й корпус маршала Нея. Был уже восьмой час утра. Пока подтягивались и строились к бою части Нея, Багратион уже придвинул резервы; на линию вышли свежие гренадерские части, 27 дивизия Неверовского; восемь батальонов Раевского, занимавших соседний участок справа, передвинулись влево и стали ближе к флешам. На первую линию выдвинуты были резервные батареи. Багратион затребовал еще 3 дивизию Коновницына. Так около себя, на левом фланге, Багратион собирал испытанных бойцов-героев. Ожидая сильнейших ударов врага, Багратион просил Кутузова о дополнительных подкреплениях. Кутузов послал на левый фланг 2 пехотный корпус. А по вторичной просьбе Багратиона направил к нему же стоявшую в резерве центра и правого фланга гвардию: полки Измайловский, Литовский, Финляндский, гвардейские батарейные роты, гвардейские конные батареи. На левый фланг были переброшены и кирасиры.

Далеко не кончена была еще перегруппировка русских войск (для того надо было не менее полутора часов), как корпус Нея пошел в атаку. Это было около 8 час. утра. Маршал Ней, подобно Даву, лично пошел в атаку на багратионовы флеши, возглавив 24-й полк. Французы ворвались на флеши: Ней — на левую, Ледрю — на правую. Немного позже заняли они и 3-ю флешь, замыкавшую в треугольник две первых. Однако недолго держались французы на флешах. Славные герои-бойцы Неверовского, поддержанные гвардейцами, стремительной контратакой выбили фрацузов. На помощь Нею двинулся Мюрат во главе конных егерей. Русские кирасиры опрокинули егерей, обратили их в бегство. Преследуя егерей, русские кирасиры захватили конную артиллерийскую батарею. Мюрат был окружен и едва-едва спасся от плена, укрывшись на левой флеши, которую еще некоторое время удерживали немецкие части.

Вместе с немцами Мюрат покинул флешь и отступил к своим. Тем временем Ней собрал новый кулак для удара. Неверовский и Горчаков отражали врага. Оба они были ранены, а Ней еще раз овладел флешами. Было уже около 10 час. утра. В это время Багратион увидел, как к нему на помощь бегом бежала 3-я дивизия Коновницына. Солдаты бежали навстречу неминуемой смерти. Опережая пехоту, с правого русского фланга, шли рысью гусары и драгуны. Несмотря на жестокий артиллерийский огонь врага, не теряя времени на построение, солдаты во главе с Коновницыным с криками „ура-а-а!“ бросились в атаку и штыком выбили врага из флешей. Даву, Ней и Мюрат просят у Наполеона подкреплений. Багратион и его герои-бойцы заставили Наполеона призадуматься. Полчаса раздумывал и колебался император. Наконец, уже в 11-м часу он приказал двинуть дивизию Фриана. Против Багратиона было свыше 30 тыс. человек.

У Багратиона не более 18000. На площади немногим более одного квадратного километра грохотали 300 наших

и 400 вражеских орудий. Артиллерийские залпы сливались в сплошной гул и сотрясали землю. Враг не оставлял попыток обойти флеши с левого фланга: наша первая гвардейская батарея больше 2 часов отважно, умело, метко отражала врага. Но так велик был урон в людях, что по приказу Багратиона батарея была уведена в тыл: на батарее было убито 60 человек; смертельно ранен гранатой капитан Захаров.

Гренадеры грудью защищали родное поле. Но их ряды, сильно поредевшие уже в первой атаке, бессильны были удержать численно превосходного врага. Ни одного гренадера уже не оставалось на багратионовых флешах.

Они исчезли, но исчезли „не с поля сражения, а на поле сражения", как доносил о том их командир граф Воронцов, вынесенный из боя с тяжелой штыковой раной. Наполеон смущен, колеблется, медлит, но собирает новый кулак для удара.

Началась трагическая для исхода всего Бородинского боя четвертая атака багратионовых флешей.

Французская артиллерия начала бить с новой силой; огромное число жертв вырывала она из русских рядов. Но солдаты Багратиона знали, что надо стоять непоколебимо, и стояли...

Стояли молча, ожидая врага; подняв фитили у орудия, взведя курки ружей, они ждали... Страшно итти на противника, который не стреляет. Но французы лезли на русские позиции, как тучи. И французы еще раз ворвались на флеши. Багратион приказал их вернуть. Русские пошли в контратаку.

„Русские колонны, пишет участник боя, французский генерал Пеле, в глазах наших двигались по команде своих начальников как подвижные шанцы, сверкающие сталью и пламенем". Кавалерия Мюрата неслась к своим на помощь. Враг перехватил уже овраг у деревни. Деревня горела. Наполеон посылал свежие силы в бой. Французы лезли напролом.

Наступил, наконец, долгожданный Багратионом момент генерального боя, решительный момент „таинства побиения неприятеля холодным оружием", как говорил Суворов.

„Натиск был ужасен. Воспоследовала страшная сеча"— отчаянный рукопашный бой. Бились штыками, тесаками, прикладами, банниками.

В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

(Лермонтов)

Четыре часа Багратион, сидя на коне, руководя боем и накапливая силы, терпеливо выжидал время, чтобы обрушить на врага подлинно-молниеносный и сокрушительный удар русской штыковой атаки. Едва Багратион увидел, как неприятельские солдаты 57 егерского лихой атакой уже взлетели на соседнюю батарею, едва Багратион успел по их адресу крикнуть: „браво!, браво!", едва тут же, обернувшись к своим, он прокричал „Ура-а-а!" и готов уже был ринуться в контратаку всей мощью живой силы левого фланга... Как вдруг шальная картечная пуля поразила его в ногу и раздробила ему кость. Багратион беззвучно свалился с лошади. Его подхватили и замертво вынесли с позиции также, как когда то чеченцы вынесли с поля боя тяжело раненого юного храбреца. Но так велик был героический подъем солдатской массы, что флеши и на этот раз были очищены от французов. На багратионовых флешах победно взвилось русское знамя. Но солдаты... уже не видели Багратиона.

Замешательство с заменой Багратиона после его ранения сделало свое дело: в $11^1/_2$ час. утра после кровопролитной пятой атаки багратионовы флеши перешли в руки врага.

Русские отступили за Семеновский овраг. Там во гла-

ве с Коновницыным солдаты построились в каре и упорно отражали атаки железных кирасиров Наполеона. А Багратион пришел в себя. Его хотели нести в тыл на перевязочный пункт, в лазарет. Багратион приказал положить себя неподалеку от места боя, и стиснув от боли зубы, не отрываясь, смотрел на линию огня. Он лежал у подошвы пригорка. Мундир его был растегнут. Сапог снят. Выше колена большая кровавая рана. Голова забрызгана кровью. Лицо бледно, но спокойно. Врач наложил повязку. „Как солдаты?“—„Стоят!“ И Дохтуров, славный боевыми делами генерал, приняв командование по-багратионовски приказал: „Умирать—и баста! Ни шагу назад!“ и солдаты стояли и умирали, и били врага беспощадно. У Багратиона начинался бред. Его унесли на носилках в деревню. До утра Багратион лежал в крестьянской избе, а утром в коляске его отправили в тыл в Вязёмы, в подмосковное имение князя Голицына. Перевозка резко ухудшила состояние раны и здоровья Багратиона.

После взятия флешей Бородинский бой продолжался еще около 6 часов. Ожесточенные атаки по всему фронту следовали одна за другой с переменным успехом. 1500 орудий и 200000 ружей действовали беспрерывно. Из-за дыма орудийной и ружейной стрельбы вокруг ничего нельзя было рассмотреть. Лошади, лишенные всадников, метались по полю целыми табунами.

К 6 часам вечера бой затих.

Русская армия, оставив деревню Бородино, батарею Раевского и семеновские флеши отступила вглубь своих позиций, где на версту, где на полверсты. И это все, что получил Наполеон от Бородинского боя. Ни сокрушить, ни разбить, ни победить русскую армию Наполеону не удалось. Наполеон не смог обойти левый фланг, не смог отрезать армию ни от Москвы, ни от украинских ресурсов, ни от южных армий.

План Наполеона еще раз был разрушен русским солдатом. И если бы не шальная картечь, выбившая Багра-

тиона из строя, исход Бородинского боя, может быть, был бы трагическим для Наполеона. Ранение Багратиона, конечно, случайность. Но случай в истории играет свою историческую роль.

Кутузов мастерски руководил боем, но, оставаясь на правом фланге, после ранения Багратиона, он не имел подобного Багратиону полководца и бойца на левом самом ответственном фланге. Кутузов отступил с Бородинского поля, но стратегически Бородинская битва означала огромную победу русской армии. Миф о „непобедимости“ армии агрессора был развеян по Бородинскому полю русскими солдатами, „чудо-богатырями“ школы Суворова, Кутузова, Багратиона и лучшими офицерами царской армии типа Дохтурова, Раевского, Милорадовича, Тучкова, Коновницына, Неверовского и других.

После Бородина Кутузов решал вопрос о Москве. 11 сентября Кутузов приказал: „отступать“.

12 сентября русская армия проходила через Москву на южную рязанскую дорогу.

Из Москвы по всем подмосковным дорогам на север, на восток и на юг тянулись беженцы. Вереницы карет, колясок, повозок, возов, телег и ручных тележек с поклажей. Рядом с ними—пешеходы с мешками за плечами, с сумками, корзинами и сундучками. Одним из последних выехал из Москвы—из дома Московского главнокомандующего Растопчина на Лубянке историк и писатель Карамзин. Как ни тяжко страдал от раны князь Багратион, было решено вывезти его в глубокий тыл. Через Москву по „Владимирке“ Багратиона эвакуировали в его Владимирское имение в сел. Сима.

На окраинах занимались уже первые грозные огни московского пожара. Народ уничтожал все, что нельзя было вывезти и что могло усилить неприятеля. Москва полыхала пожаром. Горели воинские склады, склады хлеба, продовольствия, сукон, кожи... Смельчаки вооружались, готовясь защищать Кремль. В ожидании французов собирались

в самой Москве отряды партизан. Среди них действовал Александр Фигнер, офицер русской армии, во французском мундире, с прекрасным знанием французского языка, он так и остался неузнанным французами, а позже в Данциге под видом итальянца-крестьянина получил тайное поручение от французского командования—передать депешу Наполеону и передал депешу... в русский штаб.

14 сентября к Москве подъехал Наполеон. Потребовал „бояр" с ключами от столицы. Ни бояр, ни ключей, ни столицы: „Нет, не пошла Москва моя к нему с покорной головою" (Пушкин).

Москва полыхала пожаром.

Пожар Москвы испепелил все надежды Наполеона и обнаглевшей буржуазной Франции.

Пожар Москвы спасал честь, достоинство и независимость России и русского народа. Пожар Москвы воскрешал и укреплял надежды всех народов Европы, обездоленных французской агрессией, в том числе и германского народа.

Славные партизаны—поэт и боец, бывший адъютант Багратиона, Денис Давыдов, Сеславин, Дорохов и другие перерезывали французам пути на подступах к Москве. Корпуса Удино, Ожеро, Сен-Сира и Макдональда не были пропущены к Москве.

Народ распевал тогда частушку—„Солдатскую песню":

Хоть Москва в руках французов,
Это — право! не беда.
Наш фельдмаршал князь Кутузов
Их на смерть впустил туда!

„С потерею Москвы не потеряна Россия", повторял Кутузов.

„Пылай, великая Москва!" писал позже о московском пожаре 1812 г. Пушкин.

Тем временем Багратион, живя в непривычно мирной обстановке, понемногу поправлялся. Заботливый и опыт-

ный уход дворни, а самое главное—энергия и мужество героя позволили ему недели через 2 даже вставать на костыли и заняться разборкой бумаг.

Но Багратион как-то случайно узнал, что Москва оставлена нами: от Багратиона до тех пор скрывали, что Наполеон в Москве. От глубокой боли за Родину Багратион забыл свою боль, свои раны. В негодовании и ярости на врага он вскочил с постели на больную ногу и... упал, как подкошенный!

Раздробленная берцовая кость левой ноги, однажды (в 1799 г.) раненой при Лекко, была повреждена так, что на излечение ее уже не было никакой надежды. Гангрена расползалась. Надо было спешить с операцией: надо было ампутировать ногу. Багратион решительно и сурово отказался от операции. „Лучше смерть, чем отказ от борьбы!“. В ответ на убеждения и просьбы врача и близких князь разгневался. Это было 22 сентября через 2 дня после того, как Наполеон предлагал России мир. Больного Багратиона больше не тревожили просьбами. А больной как-то странно затих и затосковал. В потухающем сознании Багратиона все прошлое и шум блестящих победоносных битв, и личные семейные несчастья—все закрывалось острой болью за муки родной страны. 24 сентября, в тот день, когда 13 лет тому назад начался последний марш из Швейцарии,— в 12 часов дня Багратион в страшных мучениях умер без стона. Скромный венок из еловых ветвей, сплетенный дворовыми князя, венчал героя вечной славой подлинно геройской могилы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Князь Багратион, правнук грузинского царя Вахтанга VI, всю свою жизнь провел в России с русским солдатом на походе: скромно, просто, неприхотливо. Вся жизнь его была походной: за 30 лет—20 походов и 150 сражений!

„Багратион — лучший генерал русской армии“, говорил

Наполеон, а Наполеону нельзя отказать в наблюдательности и мастерском знании военного дела. „Одаренный от природы счастливыми способностями, человек большого энтузиазма и личного геройства, ум гибкий и тонкий", так отзывался о Багратионе Ермолов. „Багратион неподражаем в своих мгновенных вдохновениях", писал о нашем пламенном герое декабрист Фонвизин. „Огонь сражения зажигал что то в душе его... Глаза его сияли". В бурке, с нагайкой в руке, на простом донце несся он, опережая колонны и сливаясь с бойцами передовой линии.

Багратион был могуч своей любовью к солдату: и в бою, и на походе, и в мирной обстановке, любовью отцовской простой, иногда грубоватой, всегда требовательной и всегда искренней и глубокой. Одним словом: „отец генерал по образу и подобию Суворова", говорил о Багратионе хорошо знавший его Растопчин.

„Орел!"—вспоминали о Багратионе крепко любившие его солдаты, те самые русские солдаты, которые проделали с ним блестящий поход от Немана до Днепра; те самые, которые бились на левом фланге бородинских позиций; те, наконец, которые 8 раз ходили позже в атаки в боях за Малоярославец; те, о которых французский маршал Бессьер писал: „разве мы не заметили, с какой яростью русские рекруты, еле вооруженные, едва одетые шли на смерть".

Верным сыном своей Родины был князь Петр Иванович Багратион, отдаленный потомок Кларджетского князя Ашота Багратуни.

Грузин по происхождению, Багратион был подлинным глубоким и искренним патриотом России. Любя родную Грузию, князь Багратион любил русский народ, любил и понимал русского солдата, любил и прекрасно знал—в отличие от многих русских офицеров своего времени—русский язык, ценил силу и мощь Русского государства.

Князь Петр Иванович Багратион, один из лучших генералов русской армии, верный ученик великих полковод-

цев России Суворова и Кутузова—30 лет своей жизни, а наконец, и самую жизнь отдал своей новой Родине—России.

Каждое из трех поколений русских солдат, сражавшихся (в 1757—1812 гг.) за честь и достоинство России, имело своего героя-полководца.

Вся русская армия, весь русский народ, а с ним и все народы Советского Союза свято чтут великую память великих полководцев России трех поколений: Суворова (1730—1800), Кутузова (1745—1813), Багратиона (1765—1812).

БИБЛИОГРАФИЯ

Монографическая литература о князе П. И. Багратионе небогата. За последние 50 лет были опубликованы следующие биографические очерки:

1. Поликарпов. Краткое описание жизни и подвигов князя Петра Ивановича Багратиона, Гродно 1891 (книга выпущена к 125-летию со дня рождения князя Багратиона).
2. Синюхаев Г. Т. Генерал-от-инфантерии князь П. И. Багратион, 1765—1812, Биографический очерк, П., 1915 (книга выпущена к 150-летию со дня рождения кн. Багратиона).
3. Борисов С. Багратион, М. 1938, стр. 40.

Из общих обзоров по истории Отечественной войны 1812 г. рекомендуем читателю ознакомиться с увлекательной книгой акад. Е. В. Тарле, „Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год“ .М. 1938, стр. 280.

СОДЕРЖАНИЕ

Цена 1 р. 85 к.